

Дорогие друзья, уважаемые читатели!!

Предлагаем Вашему вниманию новый номер нашей газеты. Он уже шестой, за это время с его страниц к Вам в гости приходили множество людей, имеющих разный социальный статус, разные успехи и достижения на ниве литературного творчества, разный возраст. Они живут в разных местах нашей страны, планеты – от Карелии до Магадана, а иногда во Франции или в США.

Вне зависимости от этих различий они объединены одним даром – способностью на русском языке делиться с людьми своими мыслями, чувствами, мироощущениями, выразить свое отношение к происходящему в стране и в жизни человека. Очень непросто хорошо об этом написать, еще сложнее преодолеть психологический барьер и взять на себя ответственность за свои слова и мысли, положенные на бумагу. С уверенностью можно сказать, что у авторов, чьи работы опубликованы в этом номере все это получилось очень здорово.

Гостем этого номера, немного неожиданно, стал поэт и композитор Александр Нагаев, судьба и творческая деятельность которого неразрывно связаны с Магаданом. В своем творчестве он показал и выразил свою безграничную любовь к суровому краю, поделился частичкой своего душевного тепла с вами. Приятно осознавать, что в нашем городе живут такие люди, имеющие такие творческие заслуги, и это по-новому открывает для читателя наш суровый край с неоднозначной репутацией, которая преследует его и по сей день. В интервью он дал возможность нам познакомиться с ним. Предлагаю воспользоваться такой возможностью, не пожалеете.

Изюминкой этого номера без лишней скромности можно назвать публикацию дружного авторского коллектива из поселка Синегорье. Эта изюминка начала вызревать с того момента, когда один из авторов нашей газеты Александр Соколовский порекомендовал обратить внимание

на творчество Екатерины Лимоновой. Рекомендация сработала с блеском – ее работы будут опубликованы в одном из лучших литературных журналов России – “Северо-Муйские” огни”, что можно считать присвоением своеобразного знака качества ее творчеству. В одном из номеров она в числе других будет представлять наш город и область на страницах столь уважаемого издания. Если уровень работ автора позволяет ей пройти жесточайшие жернова отбора в журнал, то уже можно определенно сказать, что Катины работы уже достигли довольно высокого уровня. Затем ей последовало предложение опубликоваться в нашей газете. Результат превзошел все ожидания – ее усилиями, стараниями, здоровыми упорством и амбициями у нас появилась возможность впервые за всю историю газеты сделать целую подборку работ авторов, судьба которых была неразрывно связана с отдельным поселком, а именно Синегорьем. Это она смогла найти и, уговорить напечататься Елену Хомку, Юлию Кульчицкую, Валентину Кузьмину. Отдельно хочу поблагодарить Катерину за возможность напечатать в нашей газете юное дарование, своего рода вишенку на литературном тортике поселка Синегорье Ирочку Хомку. Хочется отметить ее особенность точно, выверенно, по-взрослому завершить работу вложив в неё большущий смысл и значение. Её последние фразы в работах меня по хорошему поразили именно этим. Достойное место занимают стихи и проза Юлии Кульчицкой, автора нескольких литературных сборников и добрые открытые для сердца вдумчивого читателя стихи Валентины Кузьменко. Все работы синегорцев объединяет неподдельная, выраженная в стихах и прозе любовь к Северу, Синегорью, людям, с которыми шли рядом по дороге жизни. Все это получилось во многом благодаря энергии Кати, за что я хотел бы её еще раз искренне поблагодарить. Ведь с ее подачи этой группе удалось заявить о себе, как о полноценном творческом коллективе. Не каждый поселок нашей области может гордиться

такими людьми, имеющими серьезный творческий потенциал, материализованный в уже изданные книги. В Синегорье они есть!!! Ну а возглавлять литературный парад Синегорских авторов в этом номере по праву будет Владимир Папкевич, проживший в нем и отдавший Синегорью большой от-резок жизни, и посвятивший ему мно-жество теплых строк. Право это им честно завоевано, как неоднократно Лауреатом Национальной Литературной Премии “Золотое Перо Руси”. Как в итоге оказалось, в одном номере газеты на ее страницах встретились бывшие соседи – Елена Хомка и Владимир Папкевич. Тесен мир. Такое тоже случается.

По-прежнему развивается и крепнет творческое сотрудничество нашей газеты и журнала “Северо-Муйские огни”. В этот раз журнал представляет своей виртуозной сатирой проживающий в Америке Константин Емельянов. Будем ждать новых гостей в следующих номерах газеты.

Уже доброй традицией становится присутствие на страницах газеты работ Сверлова Михаила Николаевича. Его работы позволяют читателю узнать о деталях многих спортивных событий, в подготовке которых автору пришлось принимать самое активное участие. Ведь в подготовке олимпийских чемпионов Александра Лебзяка и Елены Вяльбе есть и его очень не малая толика.

Впервые в газете печатаются изящные стихи Ольги Кашаевой, приоткрывшей душу читателю через свои душевные откровения. Каким в итоге получился этот номер, как всегда судить только вам. Посему с чистым сердцем и надеждой на то, что нас поймут правильно.

Сергей Малашко.

ТВОИ ЛЮДИ, СЕВЕР!

АЛЕКСАНДР НАГАЕВ: Я не могу из сердца вырвать Магадан!

С композитором Александром Нагаевым мне довелось познакомиться двадцать лет назад, когда он после учебы во Владивостоке, затем в Москве, окончив институт имени Гнесиных по композиции у профессора Николая Ивановича Пейко, и поработав несколько лет в Москонцерте, вернулся в Магадан. Нередко бывал на концертах, где исполнялись его произведения, от эстрадных песен до классических пьес в оркестровке для ансамбля народных инструментов «Метелица», которым тогда руководил Александр Хухлаев.

В 1998 году А. Нагаев создал в Магадане «Театр песни», который ежегодно дает десятки благотворительных концертов. Солисты «Театра песни» становились лауреатами вокальных конкурсов, а Халича Расулова и Евгения Белогурова стали лауреатами «Гран При» конкурса «Студенческая Весна». Алена Посохова с песней Александра Нагаева на стихи Игоря Легенького «Русь моя» стала лауреатом Всероссийского конкурса патриотической песни в Москве, затем Алена и Александр стали лауреатами 1-го всероссийского фестиваля Славянского искусства «Русское поле» в Москве, где исполняли 3 песни композитора на стихи Алены Посоховой, Александра Соколовского и Александра Голобокова.

С солистами «Театра песни» А. Нагаев записал три диска; 1-й авторский альбом «Музыка серебряных дождей», среди 14 песен 2 исполняют: Ирина Понаровская - «Знаю любил» на стихи Джунны, Иосиф Кобзон - «Выдумываем» на стихи В. Буткеева. На втором диске, «Осень на севере», песни А. Нагаева и других магаданских авторов, 3-й «За тебя Магадан», к 75-летию города.

С Александром Хухлаевым возродили «Творческое объединение самодеятельных композиторов Магадана и области», где А. Нагаев был избран председателем правления, и стал записывать ноты песен тем, кто не владеет нотной грамотой, и публиковать их в газетах, к 70-летию города издал сборник из 60 лучших песен о Магадане. Впервые в истории А. Нагаев записал нотами 25 песен и романсов сочиненных Вадимом Козиным, который не знал нот и свои песни играл на слух. Два сборника были изданы в Магадане, и один - в Москве.

Сохраняя и развивая музыкальные традиции песенной культуры коренных малочисленных народов Севера, впервые, А. Нагаев записал в собственной аранжировке и выпустил два диска самобытной чукотской певицы Веры Гиунут, записал аранжировки к песням и танцам эвенских ансамблей из Гижиги и Олы. В настоящее время композитор готовит премьеру концерта из своих сочинений с участием симфонического оркестра, его коллег и приглашенных артистов.

- Александр Петрович, в молодости вы были подающим надежды спортсменом, играть на баяне на всех концертах. Я Золотаревым, он принял большое участие в моем творческом росте и профессию музыканта и композитора?

- Мне повезло с детства. Я родился в музыкальной семье. Отец играл на гармош-ке, мать на аккордеоне, гитаре и балалай-ке. И хорошо пела. Дедушка мой обладал прекрасным тенором. Так что дома по вечерам часто пели песни. Но, пока я был мал, мне не давали гармонь отца. Я пытался до нее дотянуться, а мне говорили: «Уронишь и разобьешь!». А когда мне исполнилось шесть лет и мои родители развелись, то гармонь осталась дома. И вот тут я в нее вцепился, быстро научился играть по слуху. В пятом классе я уже играл 165 песен и танцевальных мелодий. Потом научился играть на баяне и аккордеоне. Мое детство прошло в маленьком киргизском городе Токмак. Там не было музыкальной школы, и поэтому нот я не знал.

- И как же вам удалось восполнить этот пробел в теории музыки и нотной грамоты?

- В шестнадцать лет я переехал к отцу в Магадан. Поступил в профтехучилище,

что не знал нотной грамоты. В развитии. По его примеру я стал восемнадцать лет юношеский максимализм писать музыку по ночам, до трех, дошел до такой степени, что я сам себе четырех часов. За четыре года учебы я дал слово. Если за два года не попаду в написал 75 произведений для разных профессиональную музыку, то жизнь инструментов: скрипки, фортепиано, теряет смысл... Мне повезло, в двадцать баяна, эстрадного ансамбля, песни и лет я поступил в музыкальное училище по Поэму для русского народного классу баяна. Меня взял директор, Николай оркестра, которым я дирижировал на Александрович Лесной. Он поставил госэкзамене На магаданском условие, бросить бокс и заниматься день телевидении состоялся 35-минутный и ночь только музыкой. Я вставал каждый концерт из моих сочинений. В 1969 день в половине пятого утра, играл по три году, еще будучи студентом, в часа гаммы и арпеджио, и вечером ресторане «Северный» я однажды занимался до поздней ночи, чтобы набрать подошел к музыкантам, и предложил технику, ведь у меня после боев на ринге им исполнить свою песню. Дал ноты были порваны связки на руках, и перелом высокому, черноволосому клавишнику. сустава пальца. За первый год я освоил Он сыграл ее, спел, остальные программу пятилетней музыкальной музыканты подхватили мелодию. школы. И сочинил 18 пьес для баяна, Потом оказалось, что это был молодой, аккордеона, фортепиано, эстрадного ансамбля.

- Александр Петрович, когда впервые ваши сочинения стали исполнять другие музыканты?

- Мне повезло учиться вместе с

Магадане. После этого на магаданском телевидении Шуфутинский записал эту песню со своим ансамблем.

- Александр Петрович, после Ма-

гадана вы продолжили обучение в консерватории на композиторском отделении. Сначала во Владивостоке, потом в Москве, в институте им. Гнесиных. Как складывалась ваша карьера в столице?

Во Владивостоке мне повезло, приехал педагог из Санкт-Петербурга, композитор авангардист Игорь Забегин. Он собрал кафедру, прослушали мои сочинения и приняли решение открыть класс композиции, где я стал единственным студентом. Игорь Забегин мне сказал: - Ваши сочинения написаны музыкальным языком 19 века, а живем мы в 20 веке. Вам нужно срочно осовременить музыкальный язык. Ежедневно с 20.00 и до 5-6 утра я сочинял, искал новые мелодии, интонации, созвучия, аккорды. Еще в Магадане Владислав Золотарев посвятил меня в тайны доэкафонии, как сочинять музыку с применением 12 тоновой системы, открытой композитором Арнольдом Шенбергом и подарил мне 12 тоновый ряд из своей 2 симфонии. Он сказал; - Саша, пиши, музыка все равно будет другая. Эту композиторскую технику я использовал в Прелюдии для фортепьяно. На 1 курсе я написал Сонатину для фортепьяно и Сюиту для квартета деревянных духовых в 5 частях. Когда в Москве, Слава Золотарев ее услышал, то вскричал: - «Немедленно переводись в Москву! Ты знаешь, такие квартеты в Московской консерватории пишут на 3-4 курсах, а ты написал на первом.» На композиторском отделении в «Гнесинке» было одно вакантное место и семь претендентов на него из разных городов СССР. В том числе одна девушка с рекомендацией от самого Арама Хачатуряна. У нее была написана музыка к пяти художественным кинофильмам. Сочинения абитуриентов звучали внушительно, в записях симфонических оркестров. Когда прослушивали мои сочинения, и зазвучала Сюита, в исполнении квартета Большого симфонического оркестра страны, в середине, все абитуриенты встали и вышли, как потом сказал мне, пожимая руку, абитуриент, композитор Орловецкий: - Саша поздравляю. Тебя возьмут, а нас нет, мы это поняли по твоей музыке. После прослушивания кафедра объявила результаты: - Всем поставили два, а Нагаеву пять.

- Александр Петрович, в мире академической музыки нелегко пробиться, а тем более сочетать написание классических произведений с эстрадными песнями, как вам удалось стать автором шлягеров, ведь в консерватории это не очень приветствуется?

В 1975 году Владислава Золотарева не стало. Это было сильнейшим потрясением для меня, родных, близких и его коллег музыкантов. Через год я написал Сонату

баяна. В первой части жизнь, борьба и смерть героя. 2-я часть - это плач и причитания по умершему. Идея 3-части такова, герой умер, но его идеи и дела остались жить среди людей. Соната сразу вошла в репертуар международных конкурсов баянистов разных стран мира, и принесла звания победителей и лауреатов ее исполнителям. Звучала по Евровидению и Интервидению. Юрий Сидоров, француз Макс Боннэ, Жан Лук Монка и Роман Жбанов, в Голландии Олег Лысенко - записали Сонату на своих пластинках. Макс Бонне, тогда же в Нью-Йорке, в Карнеги-Холл, исполнил Сонату на концерте вместе с произведениями Игоря Стравинского, Иоганна Баха, Оливье Мессияна.

Соната была признана лучшей в мире, об этом сказал в аннотации на пластинке Юрия Сидорова, профессор из Норвегии, Ион Фавкстадт. На ряду с двумя Детскими Сюитами, Соната была издана в СССР, в крупнейшем издательстве Европы, Ханса Сикорского в Германии тремя отдельными сборниками, они распространялись в 14 странах Европы.

Поэма для баяна, струнно-симфонического оркестра и ударных инструментов, моя дипломная работа исполнялась: в Москве, солист Юрий Сидоров, дирижер Игорь Громов, в семи городах Франции, на международном фестивале композиторов, солист Жан Пакале, дирижер Клер Жибо, дважды в Париже, в старинном зале «Гаво» дирижер Жак Масс. Он предложил мне написать еще 6 минут, и тогда это будет симфония. Много лет ушли на раздумья, на сочинение и наконец, в 2017 году работа завершилась. Так появилась ПЕРВАЯ КОЛЫМСКАЯ СИМФОНИЯ «Апокалипсис XX столетия». 1 часть, размышления о жизни и смерти, о любви и ненависти. 2 часть, «Млечный путь», 3 часть «Атака метеоритов», она заканчивается страшными взрывами и гибелью всего живого на земле. Симфонию запросили для исполнения в России, Италии, Франции, Голландии, Австрии, Хорватии, Финляндии.

Эстрадные песни нам не рекомендовали в консерватории писать (а я их писал всегда). И только после того, как у меня вышли нотные сборники для баяна, а мою сонату на международных конкурсах сыграли выдающиеся исполнители и победили, получив золотые и серебряные медали, после того, как они записали сонату на пластинки в начале 80-х, и все признали что Нагаев классический композитор, я решил дать в телеэфир эстрадную песню.

- Александр Петрович, одним из ваших первых хитов стала песня «Знаю - любил» на слова знаменитой Джуны,

которую спела звезда советской эстрады Ирина Понаровская. Несмотря на некоторые трудности и сопротивление со стороны коллег-конкурентов, ваш шлягер получил большую популярность на ТВ и радио, вошел в финал конкурса «Песня года 1986». Вы много гастролировали по стране и за рубежом со своим эстрадным ансамблем. Почему же вы вернулись в Магадан?

- Песня «Знаю любил» стала первой в стране, на которую сняли видеоклип. В числе 5 лучших советских песен, «Знаю любил» была представлена на международной музыкальной ярмарке в Каннах, во Франции, а затем телевидение Останкино обменялось с телевидением Нью-Йорка, клип «Знаю любил» на клип Майкла Джексона.

На самом деле я никогда не покидал города своей юности. Я просто уехал учиться. И постоянно приезжал домой. Здесь у меня два брата и сестра, мои племянники, друзья. И я никогда не терял связи с Магаданом. Как многие я только поучился в других городах, поработал. Но в какой-то момент я решил не Магадан навещать, а летать отсюда, живя и работая на Колыме. Вот уже двадцать лет я летаю в Москву и в другие страны мира, например, в 2014 году по приглашению, я работал в Италии, членом жюри международного конкурса баянистов и аккордеонистов, в городе Ланчиано.

Чайковский как-то сказал: Не было бы Гайдна, не было бы ни Моцарта, ни Бетховена». Перефразируя классика, можно сказать, не было бы композитора Золотарева, не было бы Нагаева. Не знаю, чего бы я добился, если бы он меня постоянно не вдохновлял и не поддерживал. Он сыграл огромную роль в моей судьбе. Как тренер у боксера. Слава Золотарев для меня и учитель, и духовный наставник, и друг. А что касается Магадана, я вернулся к корням и истокам, но продолжаю творческую работу и общения с исполнителями из разных стран мира. Здесь - я дома. Как в 16 лет я влюбился в Магадан, он дал мне путевку в жизнь, так я и продолжаю любить мой город. И я стал композитором еще и благодаря тем людям, которые встретились и помогали мне в Магадане. Меня часто приглашают работать в разные города и страны, в музыкальные колледжи, вести класс композиции. Но я не могу вырвать из сердца мой Магадан!

Беседовала Алена Посохова

Михаил Сверлов

заслуженный работник физической культуры Российской Федерации,
председатель Магаданского облспорткомитета 1979 - 2003 годов.

Сила духа (из рассказа «Гонка»)

Завершились Олимпийские Игры в гонка. Ограничусь высказыванием Лены в Пхенчхане. Я, как и многие любители Климовой:

лыжного спорта, с интересом наблюдал за выступлением наших лыжников. Не скрою, был обрадован результатами практически молодёжной команды. Обрадован, но не удивлён. Вы спросите, почему? Просто я хорошо знаю президента федерации лыжных гонок России – Елену Валерьевну Вяльбе, Лену, Ленульку. Да, да! Именно так, со времён Лены Трубицыной и начала её выступлений на первенствах Магаданской области по лыжным гонкам среди девочек, девушек, юниорок и так далее до трёх золотых Олимпийских медалей, четырёх наград званием чемпионки мира и пяти Кубков мира. Тренер, который вывел её на Всероссийскую лыжную среди школьников, а затем и мировую лыжную – Виктор Максимович Ткаченко – показал её, тринадцатилетнюю, мне, председателю Магаданского областного спорткомитета.

На лыжной трассе Снежной долины, располагавшейся в 19-ти километрах от Магадана, проходил чемпионат области по лыжным гонкам. На дистанцию пять километров в общей группе допускались не только женщины, но и девушки, и юниорки.

– Ты посмотри, посмотри вот за этой девочкой, – Ткаченко ткнул рукой в ребёнка, шедшего с лыжами в стартовый городок. – Она сегодня даст прикурить Лене Климовой.

Лена Климова (впоследствии Кутукина) – молодая лыжница из колымского посёлка Ягодное только что вернулась с бронзовой медалью чемпионата Мира среди молодёжи, прошедшего в немецком городе Мюрау. Она могла стать и победительницей, но, не вписавшись на трассе в поворот, упала и проиграла чемпионке всего двенадцать секунд.

– Максимыч, а ты ничего не путаешь? – спросил я, глядя в стартовый протокол. – Младшенькая с шестьдесят восьмого года, а старшенькая с шестьдесят третьего. Пять лет в их возрасте – это пропасть.

– Так в том-то и дело! Этот «малёк» упёртый до не могу. Вывернется наизнанку, но не отпустит Климову. Даю слово! Она по жизни такая. Сказала «дам жару» – значит, даст.

Не стану рассказывать, как проходила

– Виктор Максимович! Это вы кого ко мне «привязали»? Эта маленькая как вцепилась в меня со старта, так и не отпустила почти до самого финиша. Я пыталась убежать от неё в горку, ускорялась и под горку, а она как приклеенная. Сопит сзади, но не отстаёт. Я её за восемьсот метров до финиша пропустила вперёд, чтобы посмотреть, как она себя чувствует. И только тут увидела, как она сильно устала и идёт на воле. Пришлось мне включиться уже по полной. Кто такая?

– Лена Трубицына. Она всем вам, чемпионкам, ещё покажет!

– Да чем там показывать? Одни косточки да сухожилия.

– Э, нет! Главное, что внутри. А внутри кремень. А всё остальное... «Были бы кости, а мясо нарастёт!»

Шёл 1982 год. Лене Трубицыной, впоследствии Вяльбе, было тринадцать лет.

Она действительно потрясала всех специалистов и любителей лыжных гонок своими результатами. В четырнадцать лет выполнила норматив Мастера спорта СССР. На чемпионате мира по лыжным гонкам среди молодёжи в городе Азиаго (Италия) она стала чемпионкой на одной из дистанций. Но чудеса она сотворила в эстафете. На четвёртом этапе Лена ушла из лыжного городка, проигрывая лидеру, молодой итальянской звезде Стефании Бельмондо, более минуты. Уж на чём она шла, где нашла в себе силы, чтобы догнать её и финишировать первой, знали только она и Максимыч, уже работающий тренером молодёжной сборной команды СССР.

На следующее утро на первой странице центральной спортивной газеты была напечатана фотография Елены. Страница из угла в угол была рассечена широкой полосой, внутри которой красовался заголовок «Удар с Востока!»

А она объяснила мне, возвратившись в Магадан с двумя золотыми медалями, что просто не могла проиграть эстафету: «Я вообще не люблю проигрывать!»

«На чемпионате мира, проходившем в 1989 году в финском городе Лахти, где Лена впервые принимала участие, пер-

вый раз проводилась марафонская тридцатикилометровая гонка для женщин.

Вечером перед гонкой Михаил встретил Лену в проходной домика нашей сборной, где был в гостях у тренеров. Его провожал главный тренер сборной команды СССР Виктор Александрович Иванов. Лена уже выиграла золотую и серебряную медали.

– Ой, здравствуйте, Михаил Николаевич! Можно я с вами немножко прогуляюсь?

– Конечно! Почему же нельзя, если главный отпустит, – я посмотрел на Иванова. Тот утвердительно кивнул головой. – Мне приятно пройти с первой чемпионкой мира из Магаданской области.

– Да ладно вам издеваться. Чего тут особенного. Я и завтра выиграю.

– Откуда ты знаешь?

– А я на пресс-конференции об этом сказала.

– На какой пресс-конференции?

– Да сегодня проходила пресс-конференция с призёрами эстафеты, ну, и там один итальянский журналист задал вопрос о том, кто победит в тридцатикилометровой гонке среди женщин. Ведь она проводится впервые на чемпионатах мира.

– И что?

– Финки и норвежки стали мямлить, что, мол, дистанция новая и победить на ней может каждая участница, что опыта её прохождения ни у кого нет.

– А ты?

– А я сказала, что раз я тут, то чего вопросы задавать? Я зачем сюда приехала?

– Ну, ты даёшь! Тебя руководитель команды не «убил»? Чего это тебя на такие заявления потянуло? Ты же только против себя всех настроила. Ты хоть это понимаешь? Если завтра проиграешь, он на тебе отыграется по полной программе. Да и на мне тоже, – заметил Михаил.

– А чего он на меня окрысился после

эстафеты? – голос Лены задрожал. – Тут и так всё на нервах. Это только для прессы мы дружный коллектив, а так каждый хочет выиграть и готов всех и каждого сожрать. Знаете, как тяжело? – на её глазах появились слёзы.

– Ну, что ты, что ты, моя хорошая. – Михаил обнял Лену за плечи и стал гладить рукой по спине. – Успокойся, успокойся. Да они все и одной слезинки твоей не стоят. Что ты, малышка? Ты уже совсем взрослая, хоть и двадцать лет. У тебя есть сынулька. Вот он будет гордиться своей мамой! И мы все тебя любим! Все за тебя переживаем. Ну, успокойся, успокойся!

– Знаете, так хорошо, когда рядом есть кто-то свой! Я так хотела, чтобы мой тренер сюда поехал. Но он с молодёжкой уехал в Италию. – И она плотнее уткнулась в грудь Михаила.

Так они постояли несколько минут. Странно, но улица, на которой они находились, была совершенно пуста, и это в семь часов вечера. Михаил, конечно же, опоздал на ужин, но это его волновало меньше всего.

На городской башне ударил колокол. Михаил посмотрел на свои часы и увидел, что уже без пятнадцати минут восемь.

– В восемь уйдёт мой автобус, – сказал он Лене, – надо успеть.

– А чего тут успевать? До него ходу пять минут. Вы же от кафе уезжаете?

– Да! А ты откуда знаешь?

– Да это традиционное место отправления автобусов. Когда нет соревнований, он отходит с городской площади, а во время соревнований от кафе.

Когда они подошли к автобусу, то все были в сборе. Но увидев Вяльбе, туристы бросились её поздравлять и сорвали плановый выезд автобуса. Однако никто об этом не пожалел, и уже в автобусе они поблагодарили Михаила за то, что он привёл Лену к ним. Хотя именно она привела его к автобусу.

Утром Лена проснулась в приподнятом настроении. Вечером, распрощавшись со своим председателем облспорткомитета, она ещё немножко погуляла по городу, пожалела о сорвавшемся на пресс-конференции заявлении, но решила для себя биться до последнего. «День выдался ясный, а значит, со смазкой не должно быть проблем, – подумала она. – Ну что ж, это к лучшему».

Сделав зарядку и слегка перекусив, она отправилась на стадион тестировать лыжи.

– Ленулька, а погодка-то твоя, – подмигнув, сказал ей главный смазчик Алек-

сандр Смирнов, передавая лыжи.

– Значит, я не зря вчера свечку поставила, – смеясь, ответила Лена.

Откатав лыжи и выбрав для себя пару, она зашла в домик команды, вновь немного перекусила взятыми с собой бутербродами и чаем, а затем вышла разминаться на лыжню. Было видно, что соперницы по гонке с удивлением смотрят на неё, и от этого настроение стало ухудшаться. «Всё равно выиграю! – думала она. – Сказала «Гоп!», значит, надо прыгать».

Михаил вместе с Виктором Поликарповым, государственным тренером Спорткомитета СССР по Магаданской области, пришли к лыжному домику минут за сорок до старта. Найдя Иванова – а он что-то выяснял у стоящего рядом руководителя сборных команд страны по лыжным видам спорта в Лахти Виктора Фёдоровича Маматова – они остановились в сторонке, ожидая окончания их разговора. Маматов, заметив северян, что-то сказал Иванову, и они оба направились к ним.

– Есть причина ругаться с Вами, сказал Маматов. – Слышал, что вчера учинила ваша любимица?

– Это насчёт пресс-конференции?

– Ну, а на счёт чего же. Вся пресса только об этом и пишет. Причём, издевается. Говорят, что никому больше выходить на лыжню не надо, мол, русские уже всё решили и все медали разобрали. Вот такая беда. Теперь представь, что будет, если мы проиграем? Не Вяльбе, нет, а мы. Я думаю, что головы полетят не только у нас с Виктором Александровичем. Вот обсуждаем вопрос – ставить на гонку Вяльбе или нет? Может быть, лучше, если она заболит?

– Тогда уж всех не ставить. Как у старика Хоттабыча: «Проверка показала, что все лыжники срочно заболели коклюшем!» А лучше уж прямо объявить, что всех пробил понос.

– Не гоните! – сказал Иванов, – вы уж не зарывайтесь, Михаил Николаевич. Никакого поноса нет, а вот досада на бездумное заявление спортсменки, есть. И сдаваться никто не собирается. Тем более что специально Птицыну на эту гонку готовили и берегли. А вы уж своей воспитаннице хвоста тоже накрутите.

– Да всё мы вчера вечером обговорили.

– Каким вечером? – Лицо Маматова вытянулось. – Я же запретил, кому бы то ни было из спортсменов покидать деревню!

– А никто и не покидал, – начал откат Михаил, который понял, что нечаянно подставил Иванова. – Просто мы вечером разговаривали с Леной на проходной.

Несколько наших туристов попросили меня взять у неё автограф.

Маматов косо посмотрел на Михаила, затем на Иванова и, махнув рукой, пошёл в сторону стадиона.

– Ну, вы чуть меня не завалили, – облегчённо выдохнув, сказал Виктор Александрович. – Чего примчались?

– Виктор Александрович, – вступил в разговор Поликарпов, – у вас нет лишнего стартового протокола, да и может чем помочь нужно?

– Нужно! У меня людей на всю дистанцию не хватает. Вот глядите, – он дал каждому из них по стартовому протоколу, затем достал схему лыжной тридцатки, – три круга по десять. Вот здесь, на шестом и седьмом километре, никого нет. Надо бы вам туда добратся и гнать наших девчонок вперёд. Раций дать не могу. Их просто нет. Но вы там сориентируйтесь по времени. Сможете?

Виктор утвердительно кивнул головой.

– Давайте сверим часы. Так, всё в порядке. Старт в десять ноль-ноль. Стартуют через тридцать секунд.

Иванов посмотрел на северян.

– И давайте, подгоняйте Ленку. Она девка заводная. От неё любых чудес ждать можно!

Распрощавшись, Михаил и Виктор прямую пошли к указанной им точке. Добравшись туда, «погоняльщики» осмотрелись и поняли, что можно, перебегая с точки на точку, в четырёх местах перехватывать нужного спортсмена. Правда, их удивил тот факт, что здесь совсем не было зрителей. Оказывается, не по всей трассе стояли любители лыжных гонок.

Издали раздался голос диктора, объявляющий по стадиону порядок старта. Это обрадовало северян, так как они могли ориентироваться на его информацию.

Лена и Лариса Птицына стартовали во второй, сильнейшей группе спортсменок. Причём, Лена бежала в двух минутах за Ларисой, замыкая эту сильнейшую группу.

Наступило время старта, и Михаил с Виктором одновременно включили свои секундомеры, находившиеся в часах. Плюс, Виктор включил и профессиональный секундомер, висевший у него на шее. Они стояли рядом, и Виктор по ходу гонки объяснял своему председателю практику работы с секундомером по определению време-

ни лыжниц. «Вон идёт спортсменка под номером пять, - говорил Виктор. - У нас есть время старта первой лыжницы, и время, когда она поравнялась с теми вот деревьями. Это метров шестьдесят отсюда. Пятую лыжницу засекаем там же, у деревьев. Так. От засечённого времени номера пятого отнимаем две минуты. Она стартовала пятой, значит, в двух минутах от первой. Что выходит? Выходит, что у неё пока второе время, то есть плюс шесть секунд». Так, потренировавшись на нескольких участниках, Валентин стал сносно определять время.

Сильнейшая группа открывалась номером двадцать шесть. Здесь результаты пошли в гору. Когда подошла Лариса Птицына, то Виктор уверенно прокричал ей в лицо: «Лидер! Плюс семь у всех!». Через две минуты к месту, где стояли северяне, подошла и Лена. Она тоже проигрывала лидеру семь секунд.

Промчавшись через лес, северяне выскочили на другой отрезок трассы и успели вновь засечь время Птицыной. Подошедшая туда же Вальбе проигрывала уже одиннадцать секунд.

- Ничего, - сказал Виктор, - это она силы бережёт.

- Может, что-то не заладилось? Смазка, там, или ещё что-нибудь?

- Да нет, идёт, вроде, спокойно, без нервов. А там, кто его знает? Не остановишь и не спросишь.

Прошло время. Со стадиона всё время раздавался голос диктора, сообщающий результаты участниц после первых десяти километров. Лариса продолжала идти первой, а вот Лена проигрывала ей уже больше тридцати секунд.

- Вот тебе и «я выиграю!» - в сердцах бросил Виктор. - Ничего у неё не клеится!

- Ещё не вечер, - перебил его Михаил, - когда там начинается марафон?

- После сорок пятого километра.

- Значит, у нас он начнётся после двадцать пятого.

В лыжных кругах все знали, что лыжный марафон у мужчин, а он проходил на дистанции в пятьдесят километров, всё расставляли на свои места последние пять. У кого оставалось больше сил и желания, тот и побеждал. Это, конечно, не касалось тех, кто проигрывал к сорок пятому километру по три-пять минут.

Снова появились сильнейшие лыжницы. Теперь они шли то небольшими группками, то расстоянием между ними было в несколько минут.

Вот пролетела мимо Лариса Птицына. Ни намёка усталости в движениях, ни

неё в пятьдесят секунд прошла Лена. Ход её был прежним, только вот во взгляде не было огонька.

Виктор рванулся через лес к следующей точке на лыжне и, когда Лена стала там подходить к ним, он неожиданно заорал: «Ленулька, давай, давай! Потерпи немножко, легче станет!»

Михаил, не понимая, чего это вдруг заорал Виктор, подключился к его крикам: «Ленуля! Ещё не вечер! Ты третья! Всё впереди!»

Лена пронеслась мимо них, никак не отреагировав на крик. Они переглянулись и побрели на определённое им место. Там, проанализировав время других сильных спортсменок, они выяснили для себя, что за медали будут бороться две наши лыжницы и две норвежки. Причём, одна отставала от Лены на полминуты.

- Ты чего орал ей «потерпи»? - спросил Михаил, - ей терпеть ещё тринадцать километров.

- Да нет. У меня такое впечатление, что у неё наступил кризис.

Должно появиться второе дыхание. Вот я и кричал

Со стадиона продолжал доноситься голос диктора. Прошла Вальбе. Отставание одна минута и тринадцать секунд.

- Всё! - сказал Виктор. - По такому, как у неё, настроению это не отыгрывается. Теперь ей надо бороться за серебро.

- Может, покатит?

- Может и покатит, кто это сейчас может сказать!

Они замолчали. Вновь к ним подходили лыжницы из сильнейшей группы. Скоро должны были показаться и Лариса с Леной.

- Ну, я, пожалуй, пойду вон за тот бугорок. А вы уж тут её подгоняйте. Затем на седьмой километр. Там встретимся, - сказал Виктор и пошёл вдоль лыжни.

Через несколько минут после его ухода показалась Лариса. Валентин засёк её время, отметив про себя, что выглядит она немного уставшей. «А вот и Лена, - сказал он сам себе, увидев вынырнувшую из-за поворота лыжницу. - Так, стоп! Она проигрывает Птицыной пятьдесят девять секунд. Чертовщина какая-то! Было же минута тринадцать?» Пока он обдумывал ситуацию, Лена прошла мимо, и только тогда он крикнул ей в спину: «Минус пятьдесят девять!»

Лена начала гонку в привычном для себя темпе. Первые два километра она втягивалась в работу, а затем стала идти с той скоростью, которая должна была

Однако после первых трёх километров тренеры подсказали, что она проигрывает не только Птицыной, но и двум норвежкам, финнке и чешке. Это озадачило её, но она решила не ускоряться: «Посмотрим, что будет после десятого километра». Но уже после пятого километра отставание увеличилось, а после десятого стало составлять более тридцати секунд. Это сообщение как-то подавило её. Навалилась усталость, и стало тяжелее дышать. Всё вроде бы работало по прежнему, но чувствовалось, что нет прежней свежести. Она видела, как волнуются её председатель комитета и государственный тренер, слышала их подсказки, но отреагировать не было сил.

Вот снова стадион. Зрители кричат, подбадривают участниц. «Что там со временем?» - подумала Лена. И, как будто отвечая ей, диктор сообщил, что она проигрывает минуту и тринадцать секунд.

Выходя с лыжного стадиона на последний круг, она увидела на огромном демонстрационном табло, что идёт третьей. Впереди была и норвежка, но всего в двадцати секундах. «Так! Эту достану. Хоть второе место будет. Не так стыдно людям в глаза смотреть».

Она шла по лыжне, и никто не подсказывал ей, как она идёт по отношению к лидерам. Все тренеры сборной, по заведённой традиции, перебегая с места на место, гнали вперёд Ларису Птицыну.

Сейчас для них важнее всего было довести её до золотой медали. Тогда закончились бы все эти досужие разговоры о русских, которые уже «разобрали» все медали.

«Дёрнул же чёрт меня бахвалиться, - думала Лена. - И чего раскудахтались? Правильно говорят: «Не говори «Гоп», пока не перепрыгнешь!»

Показался из-за поворота председатель. Он почему-то тряс часы, с недоумением смотрел на них, смешно шевеля губами. Пройдя мимо него, она услышала его отчаянный крик, но не разобрала, что он кричал. «Если время, то значит меньше минуты! Господи! Хоть кто-нибудь разборчиво подскажет?»

Выскочив на пригорок, она чуть не столкнулась с Виктором Дмитриевичем, и тот чётко, как на тренировке, отчеканил: «Минус пятьдесят три!»

«Так! - Сердце Лены лихорадочно заколотилось. - Я не ускорялась! Значит? Значит, Птицына «садится», устала. Появляется шанс! Кто бы ещё чего сказал?»

За пять километров до финиша она вновь увидела неразлучную парочку. «Минус двадцать три! - закричали они хором. - Давай, Ленулька! Лариска капнула!»*

«Так! Ну, теперь мы посмотрим, кто кого!» Она уже не чувствовала усталости. Былая тяжесть осталась позади, а появившийся азарт гнал её вперёд.

«Давай, давай! - кричало всё в ней. - Всё в твоих руках!»

Появившиеся за два километра до финиша зрители бурно приветствовали эту русскую девчущку, которая как на крыльях неслась мимо них. А Виктор и Михаил, сквозь лес, пересекая все лыжные трассы, неслись к последнему на лыжне подъёму, «заглотишу», как его прозвали лыжники. Именно там должно было всё решиться. Подбегая к подъёму, они увидели, что Лена пошла вниз к нему, но подобраться им к лыжне, казалось, не было никакой возможности. Все подходы к ней были забиты зрителями в три-четыре ряда.

Вот Лена уже у самого основания подъёма. И тут Виктор с разбегу бросился животом на снег, прикрыл голову руками, и со страшной скоростью ударил всей массой своего нехилого тела по стоящим впереди ногам зрителей. Образовалась огромная куча-мала, но он сумел протиснуть свою голову почти к самым ногам Лены и оттуда, снизу, спокойно сказать: «Плюс двенадцать!» Тут на него рухнул огромный финн и, поняв, что он, Виктор, сообщил лыжнице время, стал обнимать его, что-то крича по-фински.

Михаил за ноги вытащил Виктора из кучи, тот вскочил, и они понеслись в сторону финишного городка. Но, вероятно по запарке, сбились с нужной тропы и выскочили на пригорок прямо перед финишным створом. Видно было, как на финиш неслась их Ленулька. По её красивым движениям было понятно, что она полностью восстановилась. Громко заорав, два мужика по восемьдесят килограммов весом каждый, в красно-белой форме, бросились прямо к финишу. Стоявшие в оцеплении финские стрелки молча расступились перед ними, решив не связываться с этими ребятами, и они оказались у самой финишной черты, где уже стояла без лыж тяжело дышавшая Лена. Она выиграла у Птицыной тринадцать секунд!

Михаил подхватил её на руки и стал кружиться в каком-то немыслимом

танце. Рядом бесновался Виктор. Затем, опустив лыжницу на снег, они втроём обнялись и закрутили хоровод. Лыжный стадион громко хохотал и приветствовал этих странных русских, которым тридцать километров - не дистанция, а оцепление - не помеха.

По прошествии нескольких минут к ним подошёл представитель судейской бригады и пригласил Лену на цветочную церемонию. Михаила и Виктора судьи проводили на трибуну, где к ним сразу же подскочили наши туристы и вручили красный флаг.

Когда призёры этой захватывающей гонки проходили мимо трибун, группа русских организовала такой шум, что перекричала всех. Лена и Лариска - а она заняла второе место - приостановились и стали в ответ махать им руками, посылая воздушные поцелуи.

Сзади Михаила раздался знакомый голос: «Ну, вы северяне и даёте! Не думал, что Лена выиграет гонку. Молодцы! Слово держите!» Обернувшись, он увидел улыбающихся Маматова и президента федерации лыжных гонок Союза Бориса Михайловича Быстрова. - На том и стоим, - сказал скромно Виктор.

- Вы хоть с ней-то до старта говорили?

- Да, я сказал ей, - хитро начал Михаил, - что нам золото не нужно. У нас своего в области пруд пруди. Любую медальку сделаем. А вот принцип есть принцип. Только из-за принципа и выиграли!

Все засмеялись.

- А что думают северяне насчёт заварашнего марафона у мужчин? - Маматов с интересом смотрел на них.

- А чего тут думать? Завтра Прокуров будет в медалях, - весело сказал Виктор.

- Почему так думаете?

- Да Лёшка - гордый. Как это ему, олимпийскому чемпиону, и без медали возвращаться!

- Ваши слова да богу в уши, - сказал Быстров. - Чем сейчас заниматься намерены?

- У нас тут традиция образовалась, - Валентин засмеялся. - Всем туристам нравится.

- Мне бы тоже понравилась, -отреагировал Быстров, - да вот шеф не

даёт.

- Мы своё наворачстаем, - пообещал Маматов. - Ну, ещё раз поздравляем и спасибо за лыжницу! - он пожал им руки.

- Вы уж там Лену не ругайте, - поддел его Валентин.

- Ну и колючий вы человек, товарищ председатель, - засмеялся Маматов. - Так и быть, обещаю!»

Я рассказал это к тому, что что свой характер, желание не уронить честь своей Родины, выиграть, во что бы то ни стало, не отступать и не пасовать перед трудностями формировалось у Лены Вяльбе с младых ногтей. И способствовал ей в этом любимый тренер Виктор Максимович Ткаченко, которого, к глубокому сожалению, сегодня с ней рядом нет. Спаси-бо тебе - Максимыч!!!

P.S И ещё один пример:

В 1997-м на чемпионате мира в Тронхейме произошел скандал. В пробе шестикратной чемпионки Олимпийских Игр Любы Егоровой, выигравшей на этом чемпионате мира одну из пяти гонок (четыре остальные выиграла Елена) обнаружили запрещённый бромантан. Результат Егоровой был аннулирован. Вяльбе вышла на стадион, где присутствовали король и королева Норвегии, и прилюдно принесла свои личные извинения за случившееся.

Дело было вовсе не в Егоровой, а в том, что Люба стала причиной того, что под удар попала честь страны. И Вяльбе бросилась её защищать - как умела. Не могла перенести унижения.

Так же она бросилась в Пхенчхан защищать честь России, своих молодых ещё не совсем оперившихся во взрослом спорте воспитанников, несмотря на то, что МОК отказал ей в официальном приглашении на Олимпийские Игры. Нахождение её на зрительской трибуне успокаивало и вселяло в ребят и девчат уверенность, что у них всё получится. Да разве какие-то преграды могут остановить русского человека, если дело касается чести страны, чести твоих воспитанников!

И ребята ответили ей сполна **МОЛОДЦЫ!**

Ольга Кашаева

Родилась в Хабаровском крае, живет в Магадане.

Автор сборников стихов “Тревожит душу ожиданием чудес...” (2015 год) и “Это - Север! Колыма!” (2017 год). Публиковалась в журналах “Бунинский сборник”, “Тургеневский сборник”, “Литературная столица”, “Российская литература”, “Северо-Муйские огни”.

В 2015 году заняла первое место в областном литературном конкурсе “Колыма литературная”.

У чёрта на Куличках

Шуршат деревья пожелтевшею листвою,
Дождями плачет северное лето,
И заунывный, словно волчий, ветра вой
По закоулкам слышен до рассвета.

Порой мне кажется, что больше не хочу
Жить в холодах у чёрта на куличках.
Но каждый раз с материка назад лечу -
Стал Магадан второй натурой, как привычка.

На Крайнем Севере прошло немало лет:
Жизнь - больше, чем в полвека! - за плечами.
В один конец “туда” не нужен мне билет,
Не заманить любимыми калачами.

Живу, где солнце раньше всех в стране
встаёт,
Пьянят дурман тайги и запах моря.
Но материк покоя тоже не даёт -
Так и живу, сама с собою споря.

Здесь без меня скучает Каменный Венец
И рады встрече чайки и тюлени.
А на Большой земле другая жизнь, конец -
Зачахну от тоски, хандры и лени.

Синегорье

Как надоели мне пустые разговоры
О Синегорье - синей сказке Колымы.
Пора в дорогу. Решено! Оставьте споры!
Я еду в синее безмолвие зимы.

Берут за душу синегорские просторы:
Морозной свежестью пронизана тайга,
Стоят величественно в синей дымке горы
И с голубым отливом белые снега.

На статных лиственницах снежные каскады,
Как будто замерли внезапно на лету.
Здесь не звенят ветров холодных серенады,
Боясь разрушить зимней сказки красоту.

Спит крепким зимним сном колымская
природа.
Над Синегорьем растворилась тишина.
Среди безмолвия под синью небосвода
Пью синий воздух и хмелею без вина.

Провинциальный городок

Спит Магадан - провинциальный городок,
Уютно примостившись возле моря.
Делила вместе с ним я ни один годок
Минуты счастья и минуты горя.

Охотский берег на краю родной земли,
Нагаево - Колымское начало.
Когда за тридевять земель была вдали,
Мой городок, я по тебе скучала.

Расположился среди диких берегов
И был воспет поэтом именитым.
Зимой - красавец в полушубке из снегов,
Коротким летом - тянет, как магнитом.

Песчаный берег лижет ласковый накат,
Во всей красе Нагаевская бухта:
Запали в душу мне пылающий закат
И Каменный Венец, из сказки будто.

Нагаевская бухта

Нагаевской бухты свинцовые воды,
За горизонтом размытая даль...
К чужим берегам пристают пароходы
Сквозь серебристых снежинок вуаль.

С Нагаевской бухты этапы, этапы...
Здесь начинался смертельный маршрут
Невинно попавших в “Ежовые лапы”.
Выжившим - лагерь, погибшим - приют.

Нагаевской бухты обрывистый берег -
Хрупкая грань между “после” и “до”,
Причал безнадежности, слёз и истерик
Без права возврата, права “УДО”.

В Нагаевской бухте - свидетели сопки
Непоправимых ошибок страны,
Сгоревших до срока в ГУЛАГовской топке
Без доказательства страшной вины.

Нагаевской бухты холодные воды
Мутного солнца ласкают лучи.
В колымском ГУЛАГе репрессии годы...
Вспомни погибших и помолчи.

С бухты Баракхты

*Ты не видел Нагайскую бухту - дурак ты.
Улетел я туда не с бухты-баракхты.
Владимир Высоцкий*

На край света бежим от себя, от подвоха,
От проблем, от несчастной любви, когда плохо.
Прежней жизни концы обрубаем. И баста!
Здесь колымские люди - особая каста.

Я с Нагаевской бухтой сроднился - не как ты.
Что ты видел, мужик, кроме
бухтыбаракхты?

Помню, как Магадан зарождался у моря -
Сколько жизней загубленных, горького горя!
От Нагаево через тайгу и овраги
Проложили колымскую трассу трудяги.

На костях человеческих здешние тракты.
Если это тебе не известно - дурак ты.
Магадан - моя Родина. Здесь моё место.

Меня жизнь не по-детски месила, как тесто.

Было в жизни моей много всякой
запары...

От себя убежать разве что на Канары.

Я Нагаево знаю с пелёнок - есть факты.
В Магадане я видел и зек, и тракты.

Дней немало прошло с той поры, но ты
всё же

Прилетай посмотреть Магадан, если
сможешь.

Ты не видел Нагаевской бухты - не прав ты.

Приезжай посмотреть просто с
бухтыбаракхты.

Ты сюда прилетел налегке и без фрахта.
Как Нагаево? Лучше, чем бухта Баракхта?

“Маска скорби”

О лагерях ГУЛАГа говорят
Истории колымские страницы.
Они костями умерших пестрят
И воскрешают в памяти их лица.

Учёные, рабочие, врачи -
По пятьдесят восьмой всем по десятке.
Сгорали, как огарочки свечи,
Пытаясь играть со смертью в прятки.

“Крутым маршрутом” чудной Колымы
Сквозь ад прошло осужденных
несметно.

Погибших души молят нас из тьмы
Их реабилитировать посмертно.

Прошли года, всё поросло быльём:
Нет их могил, имён и смерти даты.
Но памятью о прошлом мы живём
Погибших всех на Колыме когда-то.

Крутая сопка прошлое таит.
И с прошлым мы приходим на свиданье
К подножью “Маски скорби”, что стоит
Грядущим поколениям в назиданье.

А “Маска скорби” смотрит с высоты
На город, на Нагаевскую бухту.
Погибшим возлагаем мы цветы
И слышим их в молчания минуту.

А “Маска скорби” смотрит сквозь века
На край, что был, как братская могила.
Цена за жизнь была невелика,
Нельзя вновь допустить того, что было!

Мы помним всех, пусть ваших нет имён.
И каждый год в день траурных
процессий
Склоняются полотнища знамён
В честь памяти погибших от репрессий.

Возвращение домой

Меня носило по далёким заграницам.
На перелётах потерялся чемодан.
Я налегке домой - опять родные лица.
Ну, здравствуй, мой холодный Магадан!

Я не спеша прошла по улочкам в тумане,
Где свежий ветер весело бежит.
Всё так же снег на сопке Марчекане
В июле, не растаявший лежит.

Дрожат от холода корявые берёзы.
Деревьев неказистые стволы
Как будто плачут от обиды - словно
слёзы
Застывшие янтаринки смолы.

Макушки лиственниц зализаны ветрами
-
Стоят, согнувшись, словно старики.
Охотский берег ночью светится
кострами
Рыбачат, непогоде вопреки.

Здесь всё по-прежнему нет ни тепла, ни
лета
И холод пробирает до костей.
А за граница в зелень яркую одета,
Полна надежд, соблазнов и страстей.

Но каждый раз к тебе с далёкой
за границы
Я возвращаюсь, искренне любя
Твои дожди, туманы, сопок вереницы.
Всё за границей есть - там нет тебя!

Другая жизнь

Неповторимый аромат родной земли
Здесь пахнет дикоросами и морем!
Приходит время улетать, нас ждёт вдали
Другая жизнь, и я уеду вскоре...

Не будет больше белых северных ночей,
Ни Хэбденека, ни Бакылдыдяка...
В чужих краях я - одиночка, я - ничей,
Здесь - знает меня каждая собака.

Мне будут сниться посреди чужих
широт
Охотский берег, Магадан у моря.
Я не забуду Север, знаю наперёд.
Чужбина мне для счастья или горя

А может, ну её, чужбинуу! Пусть, как
есть
Колымский край, затерянный в тумане.
Одновременно на два стула мне не сесть,
А сердце остаётся в Магадане.

Колымские самоцветы

Бабье лето стоит на дворе,
Согревая последним теплом.
До чего ж хорошо в сентябре
Прогуляться по лесу пешком!

Лес примерил осенний наряд -
Позолоченные кружева.
Как рубины, рябины горят,
И в багряных узорах листва.

Голубика украсила лес -

Расстелила покров бирюзы.
Он сливается с синью небес,
С чистотой родниковой слезы.

Как янтарные капли смолы,
Разметалась морошка, а вот -
Он достоин любой похвалы! -
Подосиновиков хоровод.

Шикша - северный вечный мотив -
Чёрным жемчугом вышит простор.
А берёзки, чуть-чуть загрузив,
Заступили в бессменный дозор.

Из гранатовых гроздьев поток
Катит волны свои с высоты.
Опьяняет, как хмеля глоток,
Мощь брусничной лесной красоты.

Самоцветов колымских не счесть -
Перед ними склоняемся ниц.
Магадан, хорошо, что ты есть -
Чудный город в краю лиственниц!

Икорка

Ах, зернистая икорка,
Всех застолий ты душан
С маслицем, с хрустящей коркой
Несравненно хороша!

Популярная в народе,
И уходишь на ура
На банкете, на природе,
Вечерком или с утра,

С чёрным кофе, сладким чаем,
С коньячком и просто так.
Мы икрой гостей встречаем,
Это - магаданский смак!

Как разменная монета
Ты и взятка, и презент,
И гостинец для привета,
В сделках важный элемент.

Лососёвая икорка -
Магаданская еда
С маслицем, с хр-р-рустящей коркой!
Дорогая - вот беда!

Зимняя сказка

Где-то падают весенние капли,
Утопают в сочной зелени дома,
А у нас куражат майские метели.
Одним словом, это - Север! Колыма!

Невесомые снежинки в белом танце
Тихо кружат под луною визави,
И звучат в ночи, как пушкинские стансы,
Чьи-то робкие признания в любви.

В лунном свете отражаются, как в
сказке,
Волшебством на девственном снегу
И неоновых огней шальные пляски,
И оконцев скромный свет на берегу.

От заснеженных ночных красот хмелею,
Наслаждаюсь зимней сказкой по весне.
И поверьте, я нисколько не жалею,
Что прожить среди снегов досталось
мне.

Здесь под пальмами не пляшут
чунгачанга,
А деревья в мае зябнут без листвы,
Нет в помине экзотического манго -
Все равно люблю Колымский край!
А вы?

Национальность - колымчане

Весь мир у ног, а я застряла в
Магадане.
Меня не тянет жить в больше города.
Но жизнь своё диктует: вещи в
чемодане,
Я покидаю Крайний Север навсегда.

Как карта ляжет в том краю, где
вечно лето?
Что ждёт за дальним горизонтом
впереди?
Мои вопросы остаются без ответа.
А то, что было и прошло - не бери.

Но почему так на душе скребутся
кошки?
Да здесь вся жизнь прошла с пелёнок
до седин!
Давно с друзьями разошлись
путидорожки -
Все поразъехались уже. И ты один...

На Севере национальность -
колымчане!
Неважно, чья по жилам кровь течёт в
тебе.
И пусть за тридевять земель
односельчане -
Есть навсегда надёжный друг в твоей
судьбе.

Безлюдная дорога

Бежит среди снегов, расталкивая
сопки,
Колымской трассы смертоносная
стрела.
Во время рейса не застрянешь в
длинной пробке.
Один, как перст, в тайге - житейские
дела.

За горизонт бежит безлюдная дорога,
На сотни вёрст ни огонька вокруг в
ночи.
Посёлки-призраки стоят, забыты
Богом.
Не дозовёшься никого, хоть как
кричи.

Готовит трасса испытание на
прочность,
Она не терпит ни "авось", ни суеты.
Тем, кто из рейса не вернулся (не
нарочно!)
Стоят посмертно на обочинах кресты.

По ним истошно воют северные
вьюги,
Их пеленает белым саваном зима,
И горько плачут овдовевшие супруги.
Не отпускает, цепко держит Колыма.

Колымский рай (цикл стихотворений)

Здесь вековые тундровые топи
В холодной первобытной мёрзлой
мгле,
Здесь золотые девственные копи
В глухой тайге на северной земле.

Охотский необжитый берег моря
Был раньше в наказание многим
дан -
Обитель зла, насилия и горя.
Здесь зарождался город Магадан.

Он начинался с лагерей ГУЛАГа,
С нетопленных бараков для зека.
Осужденных - ни родины, ни флага
-
Этапами везли с материка.

Для выживших в пути, достигших
суши,
Здесь обрывалось всё, что было
“до”.
Лишь грела их израненные души
Надежда на возврат и на “УДО”.

Кайлом и тачками свернули горы.
И не благодаря, а вопреки
Им покорились дикие просторы
От моря и до Колыма-реки.

А сколько в мерзлоте лежать
осталось
В глухой тайге, среди суровых
скал...

Болезни, лютый холод и усталость,
И голод - смерти массовой оскал.

Какую цену заплатили - жутко
И слишком страшно, чтобы правдой
быть.

Пройти через ГУЛАГа ад не шутка
-
И больно помнить, и нельзя забыть.

Погибшим - край, как братская
могила,
Вспахавшая нетронутую глушь.
Их помнит “Маска скорби”, всё, как
было, -
Приют безвинно убиенных душ.

Он начинался с ситцевых палаток,
С землянок, с непокорной целины,
С романтиков, что ехали когда-то
На край земли - не к теще на блины.

Оставив отчий кров, где в мае
клевер,
Все добровольцы - кто если не мы?!

-

По зову сердца ехали на Север
Осваивать просторы Колымы.

Пришли по комсомольскому набору
Энтузиасты строить города.
Сидельцы, срок отбыв по приговору,
На Колыме остались навсегда.

На благо территории трудились
Немало делу преданных сельчан.
Да так, что всей страной за них
гордились,
За трудовую доблесть колымчан.

Трудились горняки и металлосты,
Строители и морпортовики,
Геологи и автомобилисты,
Сельскохозяйственники, рыбаки.

Преображался облик Магадана,
Сносили развалюхи первых лет,
А берег двух великих океанов
К Москве стал ближе, только взять
билет.

Пятиэтажки выжили бараки,
Исчезли бездорожья грязь и пыль.
Так, в результате трудовой атаки
Мечта о чуде превратилась в быль.
Наш город хорошеет год от года -
Фонтаны, скверы, новые дома.
Трудами здесь живущего народа
Сегодня процветает Колыма!

К единой цели шли первопроходцы -
Освоить непокорный дикий край.
Кто репрессирован и добровольцы -
У них один на всех “Колымский
рай”.

Крутым маршрутом продвигались
дальше,
Хоть путь был труден, долог и
жесток.

Всё выдержал людской поток, без
фальши,
Освоил и обжил Дальний Восток.

Чтобы в тайге построить город
новый,
Работали на совесть, не за страх.
Как ежедневный подвиг, труд
суровый
В мороз трескучий на семи ветрах.

Всем выжившим в эпоху сталинизма,
Всем, кто погиб, но не был
побеждён,
Как память и как символ героизма,
Над морем светлый город возведён!

Колымская трасса

Мотает километры на колёса
Мой старенький, но верный мне
КАМАЗ

Окутал перевал туман белёсый,
Поэтому я сбрасываю газ.

Подъёмы, спуски, петли - путь
не гладкий.

Не раз я вспоминаю всеу мать.
Загадывает трасса мне загадки,
Решу, смекалки мне не
занимать.

То солнце по глазам сечёт, как
бритва,
То дождь задёрнул занавес
сырой,
То в рейсе помогает мне
молитва,
То чёрта вспомню в сумерках
порой.

Доставлен груз. Пора опять в
дорогу.
Спешит домой мой старенький
КАМАЗ
В обратный путь к любимому
порогу,
Поэтому я прибавляю газ.

Вокруг тайга, безлюдная дорога -
С Колымской трассой я наедине.
Надеюсь на себя, чуть-чуть на
Бога,
Любимой образ помогает мне.

То солнцем тёплым залита
кабина,
То дождь ласкает струями
стекло.
Приветливо кивает мне рябина.
Легко на сердце, на душе
светло.

Мне встречи, расставания,
тревоги
На комнатный уют не
променять.
Бескрайние колымские дороги
Из дома в рейс зовут меня
опять.

Покуда жив, покуда носят ноги,
Как прежде, испытать я буду
рад
То чувство неизведанной
дороги,
Бегущей вдаль, за горизонт, в
закат.

Константин Емельянов

г. Александрия, США (штат Вирджиния)

Родился в 1966 году в Алма-Ате. С 1997 года живёт в США. Публиковался в местных СМИ и журналах «Каскад», «Чайка», «Новый Журнал», «Русский Глобус», «Северо-Муйские огни», а также в российских и казахстанских изданиях.

МОРЩИННИН И ДРУГИЕ

(Московская быль)

Морщинин и графоманы

Главный редактор журнала «Пламя» Морщинин очень не любил графоманством у народа. Я своих графоманов в Союз «Двадцатый век плюс один» принимаю. Говорю, что печатаю только членов Союза. Вступительный взнос - двести евро с носа!

Держа в руке бокал с коньяком, он набрал номер своего приятеля Евгения Стаканова. Евгений был возмущался он на заседаниях редколлегии, - пачкают, понимаешь, не только главным редактором своими грязными ручонками поэтической газеты «Вирши» и Большую Русскую Литературу! литературного журнала «Жало Скорпиона», но и вдобавок председателем правления Союза писателей И славу, и деньги, и критиков... Ну, в общем, все!

- Так и лезут везде, паразиты! - он набрал номер своего приятеля Евгения Стаканова. Евгений был возмущался он на заседаниях редколлегии, - пачкают, понимаешь, не только главным редактором своими грязными ручонками поэтической газеты «Вирши» и Большую Русскую Литературу! литературного журнала «Жало Скорпиона», но и вдобавок председателем правления Союза писателей И славу, и деньги, и критиков... Ну, в общем, все!

Еще Стаканов считал себя поэтом и регулярно публиковал в своих изданиях короткие или не очень нов. моргнув глазом отвечал Стаканов.

- Ты лучше послушай, что я скажу. Ты лучше послушай, что я скажу. Ты лучше послушай, что я скажу.

Нельзя сказать, что «Пламя» с графоманами не боролось. После заседания редколлегии стали закрывать в помещении на ночь форточки, поменяли замки на входных дверях. И самое главное, перестали принимать рукописи по электронной почте.

Эти меры, особенно последняя, на какое-то время ограничили приток самопальных материалов до пределов Москвы и области. Для отлова же местных паралитераторов в вестибюле редакции задумали поместить «фейс-контроль». И удвоили охрану. Хотя, по большому счету, принятых мер оказалось мало.

Графоманы по-прежнему плодились, как тараканы, слали свои опусы в другие редакции, организовывали многочисленные фестивали и, похоже, сдаваться не собирались.

Как-то вечером, сидя в редакции после очередного нелегкого дня, Морщинин решил узнать, а как это собирался.

У него в кабинете как раз была дама. Поэтому задерживаться разговаривать с собутыльником поэт не собирался.

Я в Подмоскowie рою грядки,
Мои нервишки не в порядке!

- Какая прелесть! - услышал в трубке томный женский голос главред «Пламени».

А по утрам остатки сна Уходят
с запахом ...

- Перезвоню! - не дослушав, рявкнул Морщинин и бросил трубку.

Потом он долго сидел еще в темном кабинете главного редактора, поцеживая коньяк и глядя через окно на заброшенный пустырь с гаражами.

- Ну что за люди, - сокрушался главный редактор, сделав большой глоток и поморщившись. - Ничего святого!

Морщинин и Юбилей

Морщинин очень любил ходить на разные юбилеи и творческие вечера. Обычно за торжественной частью всегда следовал роскошный фуршет, и потому не надо было торопиться домой к ужину.

Кроме того, не за горами был и юбилей самого главреда «Пламени». Так что посещать подобные гульбища было интересно и в плане, так сказать, перенятия передового опыта.

Вот, к примеру, недавний пятидесятилетний юбилей Жени Стаканова, лучшего морщининского друга. Он и поэт, и издатель, и председатель Союза Писателей «Двадцатый век плюс один», и главный редактор поэтических газет «Вирши», «Потуги» и литературного журнала «Жало скорпиона», и владелец книжной лавки «Скупердяка» и, наконец, просто спаситель отечественной литературы! Да и еще много чего в одном стакане, то бишь лице.

Морщинин долго думал, что же подарить приятелю. Больше всего Стаканов любил деньги и славу. Ну, так, а кто же их не любит?

Подарить бутылку какого-нибудь импортного коньяку-водки-виски? Вроде пошлово, да и денег немалых стоит.

Подумал-подумал Морщинин и решил, что лучшим подарком будет свежий номер его родного журнала. Так как его еще и в продаже не было, и в библиотеки он не поступал, главред попросту выкрал сигнальный экземпляр из секретариата. Когда там никого не было.

— Ничего, сгодится для истории! — сказал главный редактор и украдкой выбрался из здания редакции.

К началу юбилейного собрания в городском музее футуристов-имажинистов Морщинин немного опоздал. Все собравшиеся уже заседали в небольшом зале, а в фойе под вывеской-плакатом «Стаканов — больше чем поэт» лишь одиноко стояли два стола с выставленными на продажу книгами юбиляра. Возле них сиротливо жалась тощие фигурки девчонок-продавцов.

Посмотрев на цены за книги Мор-

щинин крикнул:

— Узнаю друга Женю! Нигде своей копейки не упустит!

И ничего не купив, лишь добродушно посмеиваясь, поспешил в зал.

Открыть почетное собрание доверили в этот раз многоопытному критику Ганненскому. Он уже почти полвека сидел в редколлегиях десятка московских изданий всех сортов и направлений, нередко противоборствующих. Тем не менее, им всем было лестно иметь имя критика на титульном листе своего журнала. Пусть иногда даже в качестве «свадебного генерала».

Вот и сейчас, не совсем разобравшись, где он и зачем, престарелый критик выбросил вперед сухонький кулачок и злобно выкрикнул в зал:

— Реакция не дремлет!

По залу пошел озадаченный гул, а кто-то в президиуме даже покрутил украдкой пальцем у виска. Осознав ошибку, почтенный оратор быстро исправился:

— Вот я и говорю: редакция не дремлет! А сочиняет и творит всегда: днем и даже ночью!

Гул в зале затих, и присутствующие одобрительно закивали. Ганненский воодушевленно продолжал приветственный спич, а Морщинин между тем незаметно прокрался в президиум.

— Слушай, а как это — больше чем поэт? — спросил он у соседа, редактора регионального журнальчика Андрея Хрустящих, намекая на плакат в фойе.

— Ну, как? — недоуменно вскинулся Хрустящих, — он же и деньги с авторов за вступление в СП берет, и сам печатается, и нам дает! Авторов-то, тьма-тьмушая, а нашего брата, редактора, совсем мало!

И это было чистой правдой. По количеству напечатанного в своих газетах и журналах Стаканов опережал не только авторов российских, но и со всего ближнего и дальнего Зарубежья вместе взятых. Держал, так сказать, редакторскую планку. Да еще постоянно зазывал главредов и замов

из других «толстых» жур-налов.

Хотя сам по себе Евгений от природы был скромным и даже застенчивым. Он и других поэтов на своих семинарах скромности поучал:

— Лучшие стихи — это стихи ненапечатанные! Потому, пишите так, чтобы вас никогда и нигде не печатали! Ибо напечатанное есть разрешенное. А разрешенное есть умеренное и сомнительное! А умеренность, сомнительность и поэзия — вещи несовместные!

Между тем празднование юбилея достигло в зале своей кульминации. Как всегда, юбиляр не ударил в грязь лицом, прочитав на бис несколько своих особенно гениальных произведений, таких как «Дожил дурак дураком до седины», «И х..ром груши околачивал» и «А я старею словно пеня».

А потом, под слезы и аплодисменты присутствующих, Стаканов был торжественно утвержден на должность вице-председателя только что созданного им творческого «Союза Редакторов, Авторов, Читателей».

«СРАЧ» сокращенно.

— Друзья мои! Коллеги! — расчувствовался Евгений. — Позвольте заверить: «СРАЧ» в русской литературе утвердился всерьез и надолго! И в этом заслуга всех вас, сегодня здесь собравшихся!

И все громко и долго хлопали и радостно кричали. А потом, на радостях, собирали по залу взносы на новую книгу юбиляра. И опять долго хлопали.

А громче всех хлопал и кричал Морщинин. Он уже предвкушал фуршет и вдобавок знал, как теперь ему организовать свой наступающий юбилей.

— Попрошу мэрию, чтобы в день юбилея в Москве выходной сделали! — думал он, стоя в президиуме, — как на день города! Они там все люди творческие — не откажут! И было ему от таких мыслей тепло и приятно.

Морщинин и Праздники

Морщинин очень любил отмечать в редакции журнала «Пламя» всенародные праздники 23-го Февраля и 8-го Марта. Еще с доперестроечных времен остались в памяти главреда первые посленовогодние редакционные сабантуйчики: струящийся в приоткрытую форточку табачный дымок, тайком сорванная под столом крышка от бутылки, звяканье стаканов, теплый вкус водки и салата «оливье». Потом редакционные хозяйшечки ставили на стол горячий чайник, открывали огромную коробку шоколадных конфет «Ассорти» и разрезали на огромные куски торт «Сказка».

Главред даже зажмурился, слотнул слюну и зачмокал губами от восторга.

А какие тосты произносили дамы в честь мужской части редакции на День Советской Армии! Сам главред был невоеннообязанный и в руках ничего грознее рогатки отродясь не держал. Однако понимал, что защищать Отечество можно и духовно. А уж Большую Русскую Литературу от всяких графоманских выполозней ограждать - и подавно есть долг каждого честного интеллигента!

И потому Морщинин гордо держал свой бокал во время тоста, а пил потом по-солдатски, залпом и до дна.

После чаепития, вместо всяких пошлых танцев-обжиганцев, сотрудники пели песни под гитару. Какие это были удивительные вечера! Какие песни звучали!

- Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! - промычал мечтательно главред. Потом он слегка откинулся в своем большом кресле и продолжил, мурлыча вполголоса:

- Давайте говорить друг другу комплименты!

Тут его слегка затуманенный воспоминаниями взгляд остановился на вылезшей наполовину из конверта фото-открытке, полученной редакционной почтой сегодня и забытой главредом на своем необъятном редакторском столе.

Открытку со своим изображением, как лучший подарок женщинам редакции «Пламени» на 8-е Марта, прислал духовный «племянник» Морщинина, молодой, но уже знаменитый прозаик, поэт, журналист, обладатель Букера, Большой Книги и Нацбеста, а теперь еще и воин, Захар Прищепин. Над ним главред «Пламени» взял что-то типа профессионально-морального и идеологического шефства.

Отправившись воевать с соседним братским государством и заявив об этом на всю страну, Прищепин вскоре получил военный ранг замполита (ЗАМа ПО ЛИТературе) настоящего, отдельного, пехотно-десантного батальона. Несмотря на войну с соседями - супостатами и одновременно торговыми партнерами - и свою крайнюю занятость, Захар, тем не менее, постарался не выпасть и из вялотекущего литературного процесса.

Так, одновременно с военными действиями и битвами в окопах на «передовой», он умудрился еще и организовать рекламный тур-презентацию по городам и весям своей новой книжки.

Вот и сейчас, снявшись на фоне сгоревшего от попавшего снаряда автомобиля, Захар глядел в объектив твердо и по-мужски, невзирая на сидящую немного мешковато камуфляжную, без знаков различия, форму и тяжелый автомат Калашникова в руках.

На обратной стороне открытки Захар вывел своими большими, ученическими буквами: НИ ЗАБУДУ ЖЕНЧИН В ПЛАМЕНИ И РУСКУЮ ЛЕТЕРАТУРУ!

- Как же подросток, паршивец! - навернулась скупая мужская слеза на глазах у Морщинина, - давно ли мелочь у пьяни всякой из карманов по подворотням тырил, да бутылки о головы разбивал!

- А вот, поди ты, мужиком стал. Родину защищает!

- Что ни говори, - подумал главред, - хороший у нас в феврале праздник. Да и цвет обложки у «Пламени» сделан под цвет военного комбинезона «хаки», а название так вообще, как поэтичной!

Тут в соседнем кабинете, у заместителя главреда Нателлы Петровой-Сидоровой, раздался грохот разбитой посуды, и кто-то громко засмеялся. - А я люблю общаться с писателями! - громко кричала какая-то дама. По голосу Морщинин узнал поэтическую звезду Николеску Поповски.

- Ну, какой из Битова глава ПЕН-клуба? - так же громко доказывала кому-то за стеной Нателла.

Весь этот шум и крики и пробудили, наконец, погрузившегося в мечты Морщинина.

- Ах, да! - всполошился главред, - совсем забыл! Сегодня же 8-е Марта!

Международный Женский День Морщинин любил меньше, чем День Защитника Отечества. Во-первых, приходил он как-то очень скоро за февральскими праздниками. Что, при нехватке мужчин в редакции, накладывало на бумажник главреда дополнительные нагрузки.

- Всем конфеты, цветы, там «Мишки на Севере», курагу свежую, - ворчал главред обычно перед наступлением 8-го Марта. - А еще дома супруга, тоже, между прочим, женщина!

Во-вторых, на подобных торжествах собиралась, как правило, вся редакция. Да еще гостей приглашали из других журналов. Ну, а первый тост, как водится, за главным редактором. И вот тут начинались трудности.

- Как же мне их называть-то? - ломал голову Морщинин. - В смысле, редакционных наших женщин?

- Девочки? Ну, какие в 40-60 лет девочки? Милые дамы? Так в борделях гусары матрон называли... Назовешь, да и пощечину, чего доброго, схлопочешь. Женщины? Уж больно кондово, по-советски, по-трамвайно-автобусному.

- Госпожи? Баронессы? Кумушки? Голубушки? Сударушки? Товарищи-гражданки?

И такая головоломка продолжалась каждый год в первую неделю весны.

А между тем, праздник в кабинете Нателлы продолжался. К сотрудникам редакции и их супругам вскоре подтянулись и гости, а среди них критикесса Мостовая и критик Давилкин. У него как раз на днях вышел в одном из «толстяков» исторический опус про Ленина. Так что теперь Давилкин, что называется, «гулял не хочу», отмечая Женский день и публикацию, развлекая редакционных дам старыми анекдотами.

- А вот еще один, - давая смешок, начал Давилкин, когда стих общий хохот. - Висит в музее картина. Называется «Ленин в Польше». На картине изображен шалаш, из которого торчат две пары ног: Крупской и Троцкого.

- А где же Ленин? - озадаченно спросила одна из присутствующих дам.

- А Ленин? Ленин - в Польше, - невозмутимо отвечал Давилкин под грохот раздавшегося хохота. Хохотала басовито, как моряк на вахте, критикесса Мостовая. Гулко ухала, как сова в лунную ночь, поэтесса Николеска. Как гимназистка, краснея и закрывая рот ладошкой, хихикала Нателла.

Захмыкал одобрителем, заходя в кабинет, и Морщинин, да только тут все дамы, наконец, обратили на него внимание и заголосили:

- Ой, Сергей, свет, Иванович!

- Серго!

- Сергулечка! Котик!

- Сержик! Идите к нам!

Давилкин еще было хотел рассказать очередную шутку, но на него уже никто не обращал внимания. Все глаза были на Морщинина. Приближалось время приветственной речи главреда.

«Ну, вот он, час «Ч», - с замиранием сердца подумал Морщинин, - теперь уж не отделаешься!»

Вдруг на ум почему-то пришло пушкинское:

«Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!»

«Ну, вот еще!», - судорожно мелькнула мыслешка в голове главреда.

Он прокашлялся, очистив горло и глубоко вздохнув, громко произнес:

- Соратники! Дорогие мои окопники!

И увидев несколько десятков глаз, обращенных на него, воодушевленно произнес приветственную речь.

Праздничный вечер продолжался.

Владимир Папкевич

Обладатель Золотого Пера-2009 и лауреат 10, 11, 12-го конкурсов Национальной литературной премии Золотое Перо Руси.

О жизни, простыми словами, с годами набравшими вес,

Люблю разговаривать с вами – что было, что будет, что есть.

Для меня поэзия – самая увлекательная игра, позволяющая лучше понять происходящее, сказать о наболевшем или просто весело отдохнуть от суеты.

Время Колымы

Невообразимо длинны зимы,
До обиды мимолетны лета,
Осени всегда неотразимы,
Вёсны круче звёзд кордебалета.

Красота природы первозданной
Колымчанам, как котам сметана:
День и ночь готовы петь осанну
Северной столице - Магадану.

Снег не тает на вершинах горных,
И вода ручьёв нектара слаще.
Колыма - край гордых, непокорных,
Иногда смешных, но настоящих.

Тяга к северам непостижима
Разумом людей с «иной планеты».
Дальше от нелепости режима
На Земле нет места, чем край света.

Всё здесь ярче, шире, натуральной.
Дружба крепче - оттого наверно,
Что по жизни, кто в России крайний,
Тот её врагов встречает первым.

Горд, кто причащён был и причастен
К тайне под названием Крайний Север.
Кто делил и горе с ним, и счастье.
Благодарны, помним, любим, верим.

Сказка севера снег и солнце

Со дна души словечек натаскаю...
Здесь, на материке, пишу с тоски!
Жаль, «котелок» оставил на Таскане -
Наваристы бывали в нём стишки.

Все снасти там, на северо-востоке.
А тут, на бредешок, смешной улов.
Ну, выхватишь десяток строк высоких,
Но - нет по-магадански вкусных слов.

Бывало - мАкнем, трошки покемарим,
От Черского хребтинкой закусив,
И, натянув на репу накомарник,
Идём в обход, под умных закосив.

Седой налим запрыгивает в лодку,
Да с хариусом наперегонки:
Узнать - о чём, не чаем смазав глотку,
Орут, будя округу, рыбаки.

А тем - уже похоже, не до рыбы,
И не до стаи жирных «глупых» крякв.
Наоборот - рыбацкие порывы
Заинтересовали «пару рях».

Как говорит мой друг Сергей Малашко:
«Не ищущай судьбу без карабина».
Пришла за медвежатами мамашка,
Взглянуть на «Трое в лодке с Коломбино».

В то утро, к счастью, обошлось без ружей,
Забывших в зимовухе, как всегда.
Наш принцип: если ты с природой дружен -

Коль нет нужды, не причиняй вреда.

Соль, чай, крупу, немного дров и спички
Оставь у печки - людям добрый след.
И - вместе с горностаем... или с птичкой,
Улыбкой встретить ещё один рассвет.

Его ростки в душе пустили корни,
И превратился северный мой мир,
В Сакральный Символ Счастья -
Синегорье! -
Салют Судьбы, Сияющий Сапфир!

Посёлки Магаданской области

Посёлки Магаданской области,
Империи – почти задворки.
Позёмкою останки доблести
Заметены... Не скрипнут створки,
На гостя лайка не залает,
Не лязгнет гусеницей «Катар».
Лишь ветер фуги выдувает,
Врываюсь в брошенные хаты.

Хоть на сто вёрст в любую сторону Езжай
– не встретишь человека.
Таскан, Калинин, Горный, Спорное,
С корнями вырванная Стрелка...
Нет... не терактом разворочены,
Не оголтелым оккупантом,
А – управленьем малой родины
И кое-кем повыше рангом.

Поговори с американцами –
Почём квадратный метр земельки той.
И сверься с нашими засранцами,
Которым жить удобней рэкетом,
Довольствоваться днём сегодняшним,
Свою наличность за бугром храня.

Посёлки Магаданской области...
Запомни их... страна огромная...

Магаданский синдром

Знает боль мою только луна.
То заплачу, то волком завою.
Как же, волю твою, Колыма,
Променял я на Волги неволю?

Здесь другие цветы и цвета.
Люди ходят сюда издалече.
Только эти святы места
Северянина боль не излечат.

Колыма моя - вот он я - жив!
Велико ли тебе сына горе?
Жизнь нужна моя - только скажи -
Улечу, не во сне, в Синегорье!

Память вырвать из сердца нельзя,
По-другому забыть невозможно.
Приезжают, конечно, друзья,
Иногда ещё с духом таёжным.

Встречи те, как огонь без дымка,
Без рассказов рыбацких рыбалка.

Да, прости ты меня, дурака.
Неужели ни капли не жалко?

Вой несется мой в сумрак небес.
При семье, мне не надо конвоя.
Да, не ангел я... но и не бес -
Никогда не предам никого я.

Мне б, объяв необъятный простор,
Отразиться в глазах ясно-синих,
Завести непростой разговор
Об, увы, непутёвом, но... сыне.

Северный рай (нонет)

Порт
Норд-ост-
Магадан.
Прост, по годам,
Правда ль, магом дан?
В Нагаевской бухте
Чайками – тени судьбы
Мечутся над кораблями – Крыльями
бьют заката пламя!
Вольному воля, Бог над нами.
Крик, взбудораживший память,
Спорит с морской стихией. У края
России,
Все не остынет,
Стонет причал,
Что встречал
Этап...
В рай.

Город М...

Есть у слова загадка и магия,
К нам дошедшая от могикиан.
Очарованно слушаю знаки я –
Магом дан, маг Адам, Магадан.

Нагадала цыганка с монистами
Город М. ...знала – много не дам.
Но, красивым созвучием издали,
Потянул, как магнит, Магадан.

По «Магирусом» трассе накатанной
Разменял я года на Агдам.
Тридцать лет упивался закатами.
Крепче ветра любил Магадан.

Из огня, все едино, в полымя ли...
Не в обиду другим городам:
Для души мы уже «наколымили»
Канонаду в сердцах – Магадан!

Кто прибой слышал моря Охотского,
От природы узнал много тайн
Про не спетые песни Высоцкого,
Мишу Круга и их «Магадан»!

Нет, Гайдар... и в гробу не прощается
То как людям ты здесь «помогал»!
Но стоит, даже в шторм не качается,
На посту город-порт Магадан!

Колыма вчера и сегодня

1. Вчера

Не замечая холода и сырости,
Ушел в работу, бросив все дела.
И снова над собой пытаюсь вырасти,
Понять, зачем дана душа была.
Иду на поводу эмоций юности,
К родным местам всем сердцем прикипев.
Я в Магадане! Легче здесь «пургу нести»,
Февральской выюги слушая напев.

Казалось бы, нет смысла в завывании.
Ну, подняла метель под утро вой,
А слышатся мне страшные названия –
Бутыгчаг, Вахханка, Штурмовой.
Мадаун, Коркодон, Эльген и Кварцевый –
В одном «Дальстрое» двести лагерей!
Просили небо: помереть бы в карцере,
А не за проволокой, где-то на горе...
Не хватит слов и слёз – то горе выплакать.
Сопоставимы жертвы лишь с войной.
Здесь и на штык попробуй яму выкопать...
– Копай, копай! – командует конвой.
Но «счастлив» тот, кто «завладел»
лопатою.
Без инструмента на морозе – смерть.
А, что голодный – это дело пятое:
В глазах и так... и так начнет темнеть.

Уснуть и умереть, хоть на мгновение.
Забыть о том, кто прав, кто виноват.
Лишь выюга не дает уйти в забвение,
Вбивая с воем в голову слова.

Ведь были люди высшего достоинства!
Успели много на своём веку:
И за войну наград всех удостоиться,
И ствол приставить к черному виску,
И выстрелить в висок... портретной Берии,
И загреметь под трибунал, увы,
И выжить на задворках той Империи,
Пройдя сквозь лёд и пламень Колымы.
Жить! Что бы ни случилось, вопреки всему –
Мороз. Блатные. Голод. Люд. И зверь.
Ведь сколько ни зывай ты здесь к
Всевышнему –
«Не бойся, – скажет, – не проси, не верь».
Надежды нет. И веры нет... Но выжили
Многие, не взявшись за ножи.
Признаний, палачи, так и не выжали,
И не сломали лагерные вши. Жить! Только
б «на свободу с чистой совестью»!
Давайте помолчим, что в мире – грязь,
Не я, не вы – герои этой повести,
Чтобы судить о жизни без прикрас.
За гранями физической реальности,
Где сон, где явь – попробуй тут пойми,
Лишь боль, любовь и труд...
Да к черту все формальности!
Нас оставляют и в дерьме людьми.

Да, то был ад. И выюги завывания,
Как реквием, с душою в унисон.
Пусть мало чести в счастье забывания.
Но это сон был, правда? Только сон...

2. Сегодня

Не реабилитирую посмертно я,
У власти отнимая «черный» хлеб –
О Колыме так мало слышал светлого,
Без малого прожив здесь тридцать лет...

Вольнонаёмный или зек – иллюзии
Отбросив в сторону, ломали Колыму –
Ломами, словом, родственными
узами, Придя в итоге вместе к одному:
Огромный и почти необитаемый
Остался остров дивной красоты.
Сюда весной стремятся гуси стаями.
Улыбчивы и вежливы менты.
Отсутствуют следы цивилизации...
Почти... И потому ввиду иметь
Не лишне, что возможны провокации:
На днях чуть не сожрал меня медведь.

Шучу! Он был испуган больше нашего!
Так улепётывал – ой, мама, не горюй!
Потом позвал, конечно, брата старшего...
Пришлось бежать... А я что говорю?!
«Что абсолютно весь покрытый инеем,
Везенья остров в океане есть»,
С весьма ассоциированным именем.
А мне нигде так не везёт, как здесь.
Эх, если б рисовать умел я красками!
И Рима, и Венеции цвета
Не выдержат сравнения с контрастами,
Что вносит осень в здешние места!

Зимой дымок струится над зимовьями,
Не тают даже летом ледники...
Но, пригубив нектара «от Зиновьевны»,
Как встарь, разводят руки рыбаки.
Тайга прозрачна, а порой, и призрачна.
Зависит от того, с чем к ней пришел.
Бывает временами так капризна, что...
Кто с чем пришёл, с тем и домой ушёл.
Но даже остов «древнего» бульдозера
Не возмущает гостя этих мест –
Настолько гармонично он у озера,
Отстав от мамонтихи, травку ест.
И дорожить здесь привыкаешь солнышком,
И говорить всегда по существу,
Чтоб успевало маленькое зёрнышко
Дать корнеплод... или, хотя б, листву.

Пять лет, как не был я на тихом острове.
Отрадно то, что климат лучше стал.
Нельзя солёное мне, сладкое и острое.
На завтрак – манка, на десерт – фестал.
И все-таки, здоровье богатырское,
Я ощущаю, встретив Колыму.
Скучать ей не даю – то там потискаю,
То здесь щипну, то просто обниму.
Ведь – золотая! Правда! Не холодная,
Не стылая (коль с тыла подойти).
Красивая до одури! Свободная!
А люди – разные, любимая... прости!

Боготворю твои озёра чёрные,
Когда в них отражается луна!
С тобой мы, видно, Богом обручённые,
Давным-давно... Родная Колыма

Колыма, Колыма ты моя...

Колыма ты моя, Колыма...
Без ума, без тебя, без ума.
Словно, мати родная, маяк.
Колыма, Колыма ты моя.

Море, горы, тайга и снега,
Вряд ли выжил бы тут сенегал.
Не Багамы, но слава богам –
В небе гаммой был порт Магадан.

Я дышал - надышаться не мог,
Погружая лицо в белый мох,
И богаче был, чем падишах,
Потому что я просто дышал.

Чья вода из ручья? Да, ничья!
А ничья - это точно моя!
Иван-чай, значит, чей? Ну, ответь?
И медведь у ручья - мой медведь!

И костёр, и дымок от костра
Лишь с друзьями делил до утра.
Как же бросить я мог Колыму?
Хоть убей, до сих пор не пойму.

Не пойму... Вроде, что вспоминать...
Просто, в школе работала мать.
Ту же школу заканчивал я.
Ну, и чья ты, скажи, Чиганья?

То ли март на дворе, то ли май.
Мало, что ли, мне мук от ума?
Колыма, ты меня не ломай!
Наливай! За тебя, Колыма!

Колымская трасса

Не фрезой вырезаю, а фразами:
Продирается над всей Колымой,
Поутоптана лаптёжными КраЗами,
Трасса пыльная – нырнёшь – с головой.

Повезёт, так разойдёшься с КамаЗами,
И не выстрелит в жару колесо.
Сколько слёз горючих, жгучих,
размазано.
Сколько душ невинных здесь занесло.

А не считано никем, бесполезно ведь:
Каждый день берётся новая дань.
Крест, у сопки... а кому
соболезновать?
Сын в больницу вёз отца, в Магадан.

Вспоминаю, как на рейсовом ПаЗе мы,
По зиме, попали в злой перемёт.
Породнились, обменявшись
«запасами».
Кто бывал в такой беде, тот поймёт.

И ни связи, как теперь, ни спасателей.
До ближайшего посёлка сто вёрст.
Двое суток мы сугробы лопатили,
В минус тридцать. С ветерком. В
полный рост.

Помню – трасса вся украшена стразами.
Эти наледи напасть для людей:
Красота их выше нашего разума,
Но опаснее случайных гвоздей.

Очень разная. Всегда очень разная.
Летом, осенью, зимой и весной.
Слишком чистая, когда даже грязная,
«Ушатает» кого хошь новизной.

Нет, не страстная, скорее – контрастная.
Убаюкает... Потом, вдруг, как даст...
Прикурить, в последний раз, от
Кондратия
И внесет в свой бесконечный кадастр.

Но... зараза ты моя, синеглазая,
Без красот-твоих-чудес, разве жизнь?
И не тросом, вроде, к трассе привязан я,
А, без лирики – пойдя, развяжись...

Когда казалось – не крестились Наверно, потому и вляпались

Вода на озере кипела серебром –
Кто еще помнит, как танцует хариус.
Казалось, назревал вопрос ребром,
А «огненной водой» мы не затарились.

Уже плыла печальная луна
В год восемьдесят пятый. Мишка Меченый
Сказал про «перестройку», но страна
Ни в чём таком, пока что, не замечена.

Озвученные ветры перемен
Смешными нам казались, ещё
школьникам.
Не всё ль равно: феномен – феномен?
Мышленье – мышленье? И так и так
прикольноенько.

А, между прочим, начать и начать –
Как оказалось, две большие разницы.
Страну прослав, ушел «калиф на час»
И бабушками стали одноклассники.
Остались только снег, река, луна
И об СССР воспоминания.
Дом в Синегорье. Школа. Колыма.
И без вина взаимопонимание.

Душа давно не склонна к мятежу.
Теперь в стране всё куплено и продано.
Лишь изредка, открыв альбом, сижу
С друзьями у костра на Джека Лондона.

Золотому фонду Северо-Востока

Дорогие мои горняки,
Закалённые всеми ветрами!
Ваши лица, как те рудники,
Что прославили Север наш Крайний:

За плечами «Кубака», «Луна»,
«Купола», и «Дукат», и «Джультетта».
И гордится сама Колыма,
Земляков создавая портреты.

Столько правды в суровых чертах,
В этих горных и гордых «ландшафтах»!
И в рассказах о разных чертах,
Что порою встречались вам в шахтах!

Кто не нюхал ту рудную пыль,
Кто не лазил по тем восстающим,
Не поверит, что всё это – было!
Тайны недр открываются лучшим...

Горный мастер. Проходчик. Взрывник.
Отпечатано в грубых морщинах.
Потому что идёт напрямик,
Сквозь гранит, настоящий мужчина.

Сжав до боли в ногтях кулаки,
Я молюсь. Вы не слышите, что ли?
Дорогие мои горняки...
Вы всегда выходите из штолен.

Классический сюжет

Подобно юному Ромео
Спешу увидаться с «Джультеттой».
Я к ней в любви не чуял меру
Ни в прошлой жизни и ни в этой.

О, не вини меня в нахальстве,
Ведь заявился я с повинной,
Продрав трудный путь на «Хайсе»
Часов за восемь с половиной.

Я каюсь, что одну оставил,

В межвахту... аж, на две недели,
Чтоб друг от друга не устали,
Друг другу чтоб не надоели!

Скучали-то мы оба, кстати...
В глазах любимых вижу это!

Что делать, если я спасатель,
И рядом РиМ, и ты - «Джультетта»*...

* Рудник «Джультетта»; РиМ - Рудник имени
Матросова

Галерея у Рейхстага

От Халхин-Гола аж до Кёнигсберга
Шёл паренёк дорогами войны,
Раскладывая кисти у мольберта
В минуты долгожданной тишины.

Его картины не для Эрмитажа,
Моне бы он, конечно, не затмил.
Он был сапёром. Он не помнил даже,
А скольких наших уберёт от мин.

Запечатлел он вышедших из боя
В окопах, на привале, на броне.
Его эскизы ничего не стоят,
В сравнении с твореньями Моне.

Он разминировал проходы, ставил мины,
Смерть обходил не раз, не два, не три.
И вместе с ним, до самого Берлина
Дошли, дошли, дошли богатыри!

Танкисты, пехотинцы и матросы...
Да если б до Рейхстага все дошли,
Они б, не сомневайся, без вопросов,
Тот чёртов дом лишь взглядом подожгли.

Наш парень просто выложил портреты
На долбанной берлинской мостовой:
В пилотках, в касках, в бесках, силуэты –
Словно живые, шли в последний бой!

Да, нужно быть художником от Бога,
Чтоб мастерством соперничать с Моне.
Дед, Пётр Кузьмич ... так, «рисовал
немного».

Простой сапёр – он выжил на войне!

Евгению Ивановичу Кисляных

Совсем ведь был еще не старейше
Перешагнул за пятьдесят
И не вернулся за гитарой...
Мой лучший друг, колымский бард.

Боксер. Охотник и старатель.
Невероятный эрудит.
Он столько книг перелопатил.
Так верил в свой мотор в груди.

Те многотонные машины,
Железом гусениц скрия
И ныне живы. А – Мужчина –
Да если б так берёт себя...

Чего теперь в проблемах рыться.
«Ничто не вечно»... Это вздор!
Теперь он просто «Спящий Рыцарь»
На страже этих синих гор.

Ушёл. Оставив Свет на память.
Ушёл. С улыбкой, как всегда.
Как настоящий магаданец –
Какая разница, куда...

Не обернулся, не замедлил
На повороте быстрый шаг.

Но разве может незаметно
Уйти ОГРОМНАЯ Душа

Январь. Скрипел мороз в полтинник.
И пел, простуженно хрипя,
Его старинный друг – бобинник.
И ... э-э-эх, да ВСЁ не так, ребят.

К чему все это

Знакомы «творческие муки»
и мне, признаюсь, с давних пор.
Достали длинные их руки
на Колыме, среди синих гор.

Зачем я, дух свой растревожив,
несложной рифмой говоря,
печальный опыт подытожив,
не сделал вывод: трачу зря

бесценные мгновенья жизни,
пытаясь складно изложить,
не поддаваясь дешёвизне,
свой взгляд на смысл глагола «жить»?

Ведь знаю, мироощущенье
мое не блещет новизной:
любовь, предательство, прощенье,
лед пламени и стужи зной,

забвенье, вечность, вера в небо,
не изменились за века.
Хлеб, мир, свобода, быть и небыть –
возможна ль новая строка?

Что откровенье, назиданье,
узор волшебный слов чудных –
кому нужны мои страдания?
Зациклен каждый на своих.

Пошло всё к черту! Зарекаюсь
в свою и Вашу душу лезть!
Простите, что опять ругаюсь:
я ж правдолюб, а слышу лесть...

В чём жизни смысл? Во всём!

Да не выдумываю я ...стихи свои.
Но спать уж не дают, неугомонные!
Вот и веду лирическую исповедь,
От неба получив геном гармонии.

Те, в ком он есть, сопоставляют издавна
И факты времени, и аргументы знания.
И вывод весёлый: Вселенной жизнь дана
Гармонией – основой мироздания.

Из обезьян мы вышли в Космос? Может
быть.
Но не простых! Поймавших вирус
разума.
Без разницы, откуда взялся, боже мой!
Он часть момента, но зато –
прекрасного!

Из тьмы веков, космического хаоса,
Гармония, отбросив, к черту, лишнее,
Творит, порой, немыслимые шалости.
Чтоб одарить и милостью всевышнейю.

В чём жизни смысл? Во всём! Хотя в
капле истины!
По мне, так просто – жить
почеловечески.
Под мирным небом. Милым быть.
Единственной.
Тогда мгновенье стоит целой вечности.

Елена Хомка

Елена Хомка родилась в Приморском крае, в возрасте двух лет она вместе с родителями приехала в п.Синегорье. Печаталась в следующих изданиях: «Северная правда», «Магаданская правда». Сборники «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя». Публикует свои стихи на сайте стихи.ру (количество которых составляет на сегодняшний день уже 1564 стихотворения), в основном пишет о любви с уклоном исключительно на позитив. Автор не приемлет грусть и уныние, поэтому и в стихах настрой только на хорошее.

Стихотворение о Магадане

Для кого-то юга - замечательный рай,
Для кого-то Восток - дело тонкое,
Для других Старый Свет - удивительный край...

Ведь Земля наша очень огромная...

Ну а я среди тех, кто дорогу свою
Видит только в краю Магадана.
Не скажу, что другие места не люблю,
Я их очень люблю, это правда.

Только здесь на прекрасной суровой земле
Нахожу видно, больше уюта,
Здесь таёжные тропы в лесной тишине
И природа похожа на чудо...

На Гороховом поле люблю я пройти
Позабыв про любое смятенье,
Над рекой Магаданкой на мостик взойти
И смотреть на неё с умилением.

У Нагаевской бухты люблю постоять
И с Высоцким смотреть вдаль кудато,
И тихонько ему будто в так подпевать
Про морские известные фрахты...

Здесь при въезде «олени» и стелла стоят,
И стоит в центре города вышка,
Мини-копия в чём-то она, говорят,
Башни Эйфеля в чудном Париже.

И пусть сам Магадан городок небольшой,
И пусть он несравним с мегаполисом,
Здесь особенный мир, не смотря ни на что,
И особое в жизни достоинство.

К Храму путь и светел, и красив...

К Храму путь и светел, и красив,
Он не замётен пургой бесчувствий.
Здесь святая истина молитв
Без тепла на сердце не опустит.

Здесь Всевышний дарит чудеса,
И душой к душе легко касаться,
Ведь смотря всегда глаза в глаза
Очень трудно лгать и притворяться.

Моя жизнь - то полёты, то стуки колёс...

Моя жизнь - то полёты, то стуки колёс,
То баранка дорог рулевая...
Сколько было, порою, несбывшихся грёз,
Видит Бог, абсолютно не знаю...

Знаю только, что все и недели, и дни
Неустанно считаю до встречи.
И конечно, всегда, возвращаясь в пути,

Обнимаю любимые плечи.

Пусть на жизни весах, всё же, больше разлук,
Только дни, где вдвоём, я не скрою,
Берегу от каких-то нечаянных вьюг,
И ношу в своем сердце с любовью,

Ведь они для меня от беды оберег,
И надежда на счастье святая
Потому, что живёт дорогой человек,
Ожиданьем своим согревая.

От Москвы к Магадану дорога длинна...

От Москвы к Магадану дорога длинна,
Но душа сюда рвётся всё время.
Ничего, что такая у нас широта
И шагами её не измерить.

Километры пути ускользают вперёд
Сквозь Урал до Охотского моря.
Бесконечно тайга свою песню поёт На
прекрасном Колымском просторе.

Этот нежный мотив ветер носит с собой,
Украшая тональностью звуки,
Поднимает легко над красивой
землёй

То синиц, то бекасов в округе.

Он влетает в их трели журчанья реки
Золотые чудесные ноты.
Здесь волшебная Муза природной любви
Непременно согреет кого-то.

А в окрестностях чудной реки Колымы
Храм стоит, и в положенном часе
Колокольные звоны святой красоты
Дополняют мелодию счастья.

И порой, за какой-то сплошной суетой
Сделать паузу хочется где-то,
Чтоб послушать мотив, может быть, и
простой,
Но наполненный радости светом.

Уходят из жизни хорошие люди...

Уходят из жизни хорошие люди,
Которые дороги сердцу всегда.
Их больше не будет, их больше не будет...
А жаль, что не будет уже никогда!
Стремилась они жить по-честному в мире,
Умели любить и умели дружить,
Дарили заботу и счастье дарили,
А это и есть по-хорошему жить!
Ах, если бы просьбой вернуть было б в силах,
Я б очень просила, я б очень просила
Вернуть в эту жизнь моих близких, ушедших

Из мира живых в мир покоя умерших.
Они далеки, но по-прежнему близки
По вере, по духу, по узам семей.
Как фотоальбома листовая страница,
Я в памяти вижу ушедших людей.
Глаза их закрылись, песни их отзвучали,
Не слышно шагов в доме их у двери.
Они уходили и нам завещали
Жить так же достойно, как жили они.
Ах, если бы просьбой вернуть было б в
силах,
Я б очень просила, я б очень просила
Вернуть в эту жизнь моих близких,
ушедших
Из мира живых в мир покоя умерших

Синегорцы

Нас по-разному величают
И на родине и вдалеке.
Северяне мы, колымчане,
Ведь живем на колымской земле.
Нас зима не пугает нисколько,
Хоть морозы суровы, крепки.
И среди многих хороших поселков
Синегорье здесь крепко стоит.
Синегорцы, Синегорцы!
Вы - особенный народ!
Вы несете в себе солнце,
Смело смотрите вперед!
Вы построили поселок,
Вы создали ГЭС и ВЭС,
Для того, чтоб мы сегодня
Дорожили тем, что есть,
Чтобы было больше света,
Чтобы был уют в домах.
А у тех, кто все ж уехал,
Синегорье есть в сердцах
Синегорцы, Синегорцы!
Вы - особенный народ!
Вы несете в себе солнце,
Смело смотрите вперед!

Оттремели грозы...

Оттремели грозы. Близки молнии
Были и прошли в родном краю.
Чудный вечер радугой наполнил
Душу грустившую мою,
Отогрел чудесными цветами,
Выплеснул палитру своих чувств.
И исчезла вдруг за облаками
Давняя непрошенная грусть...

Туфли, тонкие колготки...

Туфли, тонкие колготки, Тушь, помада,
маникюр... И, конечно, для красоты
Платья только от кутюр.

Да, недешево, я знаю, Только надо не
забыть: Раз сказал ты «Дорогая!», Значит,
так тому и быть...

Счастье маленького роста...

Солнце ласковое светит... Хорошо
вокруг опять. И родители, и дети Вышли
вместе погулять.

И в потоке том едином Мы куда-нибудь
идём.

Не спеша гуляем с сыном, Лету радуясь
вдвоём.

Может, где-то всё непросто, Но сейчас
душа поёт: Счастье маленького роста
Меня за руку ведёт...

Истины в первой инстанции...

Когда хочется жить, отдавая тепло для кого-то,
И как птица, укрыть от ненастий надёжным крылом,
Это значит, в душе есть такое прекрасное что-то,
Что нельзя объяснить и нельзя отложить на потом.

Ведь добро никогда никакого удобного случая
В мире грёз и разлук не умеет с покорностью ждать,
Оно просто несёт для других только самое лучшее,
Превращая мечты в осязаемую благодать,

Не смотря ни на что, не деля ни кого на сословия,
На гражданство, на веру, цвет кожи, цвет глаз.
А в основе его всё пронизано Божьей любовью,
Чувством тем, что себя не являет ни в чём напоказ,

И оно не сойдёт на одном из этапов дистанции
Под названием жизнь, где бесспорно становится то,
Что добро и любовь - это истины в первой инстанции,
Прикоснувшись к которым в душе постоянно тепло.

Необычный лес

Все стараются на море где-то лето проводить.
Нам же в осень в Подмоскovie По делам пришлось отбыть.
Будни в вечной спешке были.
Что поделаешь, дела...
Только лишь в дни выходные В парк детей своих вела.

А девочкам только в радость В парке где-то погулять,
Под ногами, что попало, Посмотреть, пособирать,

Унести с собой в карманах Курток лёгоньких своих
Все орехи от каштанов, Шишки ёлок городских.

Положили всё в пакетик,
Но пакетик рос и рос...
Я однажды своим детям Задала такой вопрос:

“Мы куда всё это денем?”,
И такой мне был ответ:
“Увезём с собой на Север,
Там такого вовсе нет.

Мы придумаем поделки,
У нас мысль вперёд бежит.
У нас всё это без дела
Никогда не пролежит.”

С привезённых чемоданов
Вещи убраны скорей.
Все орехи от каштанов
Превратились уж в зверей.

И на этой же подставке
Шишки в разном беспорядке:
Привозные подмосковные
Вместе с местными сосновыми.
Проявился интерес
Необычный сделать лес.

Хорошая книга

Как люблю я с хорошою книгою
Быть подолгу наедине,
Постигать её мудрость великую
В очарованной тишине.

Быть пленённою ласковым светом,
Что она, безусловно, хранит,
И внимать, наслаждаясь сюжетом,
Необычный её колорит.

Обходясь без стилистики грубой,
Не приемлет она суету,
И я с нею, как с лучшей подругой,
Тет-а-тет разговоры веду.

В её искренних строках и завтра
Я продолжу для чтения путь.
Как же смог замечательный автор
Будто в душу мою заглянуть?

И прочтя до конца, без сомненья,
Не забуду я автора, нет.
Знаю то, что и в новых твореньях
Я найду удивительный свет.

Белая ночь укрывает двory..

Белая ночь укрывает двory...
Точно, как днём, только тише...
И на берёзах повисшие сны
Дивной романтикой дышат.

В них удивительно грёзы живут,
Явившись, подчас, ниоткуда.
И колыбельную счастья поют
Феи - кудесницы чуда.

С этой мелодией наша любовь
Витают легко и свободно,
Чтобы вдали в белизне облаков
Чувствовать нежность полёта.

Уходит вечер в прошлое

Уходит вечер в прошлое
В холодной снежной мгле.
Что было в нём хорошего,
Останется во мне.

А время к ночи клонится,
Спешит всегда вперёд.
И вот опять бессонница
Покоя не даёт,

Придя без промедления
Тихонько на порог,
Прекрасные мгновения
Слагая в нежность строк.

Мечтами жизнь наполнится,
И ясно всё без слов:
Такая вот бессонница
В душе хранит любовь.

Ирина Хомка

11 лет, ученица пятого класса, родилась в п. Ягодное. Рассказы начала писать в 11 лет. Пару раз публиковалась в «Северной правде».

Храбрость Дружка

Однажды два друга получили в подарок домашних животных: Гриша - кошку по имени Мурка, а Костя - собаку по кличке Дружок. И вот Костя пошёл в гости к Грише, чтобы похвастаться своим новым другом. Он не успел ещё пройти в квартиру, как его собака побежала в комнату, где находилась кошка. Костя очень быстро снял своё пальтишко и ботинки, и вместе с Гришей они вбежали в комнату, потому что испугались, что Дружок накинется на кошку. Но когда они вошли, пёс и кот мирно сидели посреди комнаты и ждали своих хозяев. С этого дня у них завязалась крепкая дружба.

Костя часто приходил к Грише с питомцем. Однажды, когда он был у него в гостях, неожиданно в дверь постучала соседка, и сказала, что в доме пожар и нужно срочно покинуть дом. Друзья сразу же бросились на улицу, Дружок выбежал вслед за ними. Когда они оказались на улице и огляделись, то заметили, что Мурки рядом нет, она осталась в квартире. Пожар быстро разрастался, он охватил квартиру Гриши. Мурка была в опасности. Ребята издали наблюдали, как горит дом и сильно беспокоились за кошку, Дружок не находил себе места, переживал за Мурку. Тут приехала пожарная машина и скорая помощь. Но ребят это не успокаивало, они всё равно боялись за кошку. И вдруг пёс храбро бросился в горящий дом.

Он нашёл Мурку. Оказалось, она в испуге забила под кровать, надышалась дымом и уже не смогла покинуть помещение. Дружок аккуратно взял её за шкурку и побежал к выходу. Гриша и Костя не знали, что и думать. И вдруг они увидели, что пёс несёт в зубах кошку. Они радостно подбежали к своим четвероногим друзьям. Гриша взял Мурку на руки, а Костя похвалил своего Дружка за храбрость. Друзья сразу же отнесли кошку к ветеринару. Через несколько дней к Мурке вернулись прежние силы. Все были очень рады! С этих пор Дружок и Мурка не расставались, а пса совершенно заслуженно прозвали Храбрым Дружком.

Гора Рыцарь

Как всегда, вечером мы сидели за кухонным столом и ужинали. Я неожиданно спросила папу:

- Вот в некоторых сказках пишут про русалок, в других про великанов, а в некоторых и про гномов. И правда ли, что давным-давно на Земле жили эти сказочные существа, а может быть, они совсем и не сказочные?

И папа мне ответил:

- Дочка, сложно говорить о том, чего сам не видел.

Эти слова мне очень хорошо запомнились.

Вечером я легла спать, а ночью мне приснился чудесный сон. Раньше в стране великанов жил рыцарь по имени Джон. Он очень любил участвовать в рыцарских боях потому, что всегда выигрывал. Часто он объявлял на главной площади города, что хочет сразиться с очень сильным рыцарем-великаном на поле боя. На его призыв однажды пришёл Гастон и сказал, что согласен сразиться. Джон обрадовался, ведь он думал, что обязательно выиграет.

В стране великанов была такая традиция, что перед поединком тот рыцарь, который согласился на бой, должен выбрать то оружие, с которым они будут сражаться. Гастон выбрал копьё. Это решение очень понравилось Джону. Выйдя на поле, они, сидя на лошадях, встали друг напротив друга и сурово посмотрели во все стороны. Судья крикнул, что можно начинать. Всадники на своих роскошных лошадях кинулись друг на друга. Раздался треск копьев. Бой был долгим, но они не сдавались!

В конце концов, Гастон пронзил своего противника копьём и тот упал на землю.

Прошли годы. На месте, где погиб Джон, образовалась красивая гора, у подножия которой выросли берёзы, а чуть выше лиственницы. Как будто бы природа так сказала о том, что она чудеснее и сильнее человеческих поединков.

Я проснулась и утром рассказала этот сон родителям.

На что папа мне сказал:

- Может быть, гора Рыцарь на самом деле так и появилась, кто знает?!

А мама добавила:

- Хороший сон тебе приснился! Если хочешь, напиши по этому поводу рассказ.

Путешествие Зайчонка

Ночью у мамы зайчихи появились на свет семеро зайчат. От холода маленькие комочки прижались к маме, и она их согрела своим телом, покрытым мягким пухом.

Прошло несколько дней. И однажды утром, зайчата, наевшись досыта, отправились вместе с мамой в лес на прогулку для того, чтобы научиться уму-разуму. Они спешили друг за другом, но лишь один маленький зайчонок по имени Бий загляделся на окружающий его мир и остался в стороне. Он шёл и думал о том, как прекрасен мир вокруг него, а когда очнулся, заметил, что ни мамы, ни братьев, ни сестёр вокруг нет. Зайчонок так испугался, что побежал сам не зная куда. Он бежал и бежал, пока не забрался в норку под пнем, где и провёл почти весь день.

Потихоньку начало темнеть, ведь настал вечер. Бий пока не знал, как прокормить себя и позаботиться о себе. Он выбежал из убежища и побежал не разбирая дороги. Вдруг он почувствовал какой-то приятный запах и быстро направился туда. Оказалось, что так вкусно пахнет морковь и капуста. Зайчонок начал их грызть, а потом задремал.

Бий проснулся от того, что его взяли и медленно начали гладить. Он не привык к людям и начал волноваться. Но, к счастью, он находился в руках у очень хорошего и доброго человека, местного лесничего Григория Степановича. Он накормил маленького зайку свежей капустой. Тот не отказался, а напротив, обрадовался и с удовольствием покусал. Наверное, зайчонок у него бы остался, но ему надо было возвратиться к своей семье.

Григорий Степанович работал лесником уже двадцать три года, и на месте Бия были многие. Он понимал, что хотели все эти зверушки и со спокойной душой отпускал их домой, а иногда и провожал, ведь в лесу ему было знакомо каждое дерево и каждая норка.

Лесничий сделал запас моркови и капусты для Бия и его семьи. Затем отнёс зайчика к его норке, в которой пряталось всё его большое семейство. Григорий Степанович попрощался с Бием и отпустил его к родным. После чего положил овощи на землю возле норки.

Вот как бывает на Земле, что люди не только помогают людям, а ещё и животным.

Радуга

Ранней осенью несколько друзей Миша, его брат Никита, Петя, Гриша, Саша пошли в лес строить шалаш. Ребята выбрали для этого прекрасное место. На поляне несколько кустов смородины и три пня. Вокруг много деревьев с шишками. Со всех сторон доносились песни птиц и стук дятла. Рядом протекал небольшой ручей.

Саша сразу предложил заняться делом, но Миша сказал, что нужно подкрепиться, ведь путь был не близкий и друзья изрядно подустали. Ребята согласились и стали доставать из рюкзаков бутерброды с колбасой и сыром. Гриша вместе с Сашей стали собирать грибы, а Никита разжёг костёр. Все собрались у костра. Каждый мальчик нашёл палочку, чтобы нанизать на неё грибы. Пока они жарились, Саша и Миша сбежали к ручью и набрали водицы.

После того, как все перекусили, началось строительство шалаша. Миша, как главный из них, начал распределять роли.

Он сказал:

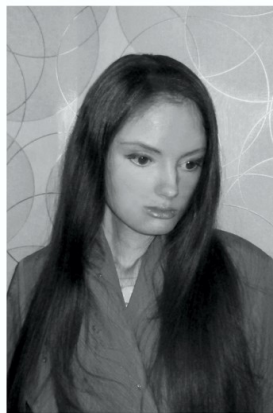
- Саша, ты будешь собирать крупные ветки и отдавать их Никите. А ты, Никита, делай основу для шалаша.

Мишу перебили Гриша и Петя:
- А нам что делать?

- Гриша, ты копай большой ров (и провёл камнем по земле, отчего остался след), вот поэтому следу и копай ров. А ты, Петя, носи воду из реки, поставил им задачу старший.

Но ребята не согласились с этим и решили, что она им не подходит! И тут началась ссора! Ребята кричали друг на друга. Они не заметили, как небо покрыли тёмные мрачные тучи. Пошёл дождь, и неожиданно подул тихий ветерок. В некоторых местах на небе исчезли тучи, но дождь шёл.

Но вскоре выглянуло солнце, и в небе появилась радуга! Вдруг Петя заметил её - прекрасную и красивую. Он тихо прошептал: "Смотрите, радуга!". Как только спорщики услышали эти слова, сразу перестали ссориться. Они долго смотрели на радугу. А когда она пропала, ребята забыли про ссору и приступили к строительству шалаша. Они надолго запомнили этот прекрасный день, когда их помирила радуга.

Екатерина Лимонова (Титаренко)

п. Синегорье

Я родилась я 10 января 1988 года в Магаданской области, п. Синегорье. Коренной житель. Всё своё свободное время и безграничную любовь я дарю своей семье.

Стихи начала пробовать писать в 12 лет, к 15 годам у меня зародилась мечта – когда-нибудь выпустить свой сборник стихов. И вот, моя мечта сбылась в июне 2018 года – вышел мой первый долгожданный сборник стихов в г.Магадан под названием «Не забывай, что я люблю тебя». Электронный макет книги и идею обложки я подготовила самостоятельно. Мне нравится делиться своим творчеством, проникать в сердца людей через свои стихи. Моим наставником в мире поэзии был замечательный человек и поэт Суздальцев Анатолий Фёдорович. Я с удовольствием принимаю участие в различных конкурсах связанных с поэзией или прозой, посещаю поэтические мероприятия в библиотеке.

Не нужно больше боли

Не нужно больше боли,
Печали, слёз и бед.
Мне хватит в ранах соли
На много-много лет.

Собакой пусть удача
У ног моих лежит,
Не воет и не плачет,
А счастье сторожит.

Я хочу сказать гениям – благодарю

Как же много написано в мире стихов,
И бессмертной талантливой прозы.
Это книги - шедевры из тысячи слов,
В них и счастье, и горькие слёзы.

Я хочу сказать гениям – БЛАГОДАРИЮ!
Ваш талант бесконечно великий.
В моё сердце проникли и в душу мою,
Словно тонким звучанием скрипки.

И во мне вы оставили мысли свои,
И испытанные вами чувства,
Солнце юности вашей и грусти дожди,
Мудрость прожитых лет и безумство.

Отхлебни с моей чаши грусти

Отхлебни с моей чаши грусти
И узнай, что в душе моей.
Кто тебя ещё в душу пустит,
Кто позволит копаться в ней?

Всё как надо сложи – по полкам,
С моей памяти вытри пыль,
Выкинь все от мечты осколки,
Вырви с корнем траву-полынь.

И наполнится чаша счастьем,
Мы её осушим до дна.
Быть счастливыми в нашей власти.
Пусть так будет, Господь, всегда!

Корабли моей жизни

Корабли вы мои, корабли,
Детство с юностью вдаль унесли
По волнам, далеко, безвозвратно,
Не вернётесь ко мне вы обратно.

Если встретят вас злые ветра -
Не дожить вам уже до утра
И не плыть по просторам бескрайним
К берегам неизвестным и дальним.

А пока у причала стоят
Корабли мои новые в ряд.
Они ждут мою зрелость и старость,
Чтобы жизни забрать моей радость

Вслед за вами уйдут и они
И погаснут на небе огни.

Корабли уплывут в бесконечность
Вдаль по морю с названием «Вечность».

Моя любовь похожа на зефир

Моя любовь похожа на зефир
Фруктово-ягодный, воздушный, белый.
Давай всё бросим, и устроим пир,
Раскрасим красками мир этот серый.

Твоя любовь - фруктовый мармелад:
Лимонный, яблочный, порой клубничный.
Не по душе мне горький шоколад,
К нему я, если честно, безразлична.

Нальём без сахара зелёный чай
И будем вместе наслаждаться пиром.
Теперь я знаю, что такое рай,
Он пахнет мармеладом и зефиром.

Моя душа, Как хрупкое стекло

Моя душа, как хрупкое стекло,
Разбить которое совсем несложно.
А без души на свете тяжело,
А если честно, просто невозможно.

В себе несу бесценный Божий дар -
Душа особенная мне досталась,
Но вдруг случись Судьбы большой удар
И всё - я без души совсем останусь.

Поэтому жалею меня, Судьба,
Тебе свою я душу доверяю.
Не будь ко мне жестока и груба,
Будь ласкова, тебя я умоляю.

Ты дорог мне, колымский край!

Ты дорог мне, колымский край,
Своей особенной природой.
Люблю тебя, холодный рай,
Любовью чистой, благородной.

До неба, кажется, рукой
Легко здесь можно дотянуться,
Найти душевный свой покой
И с вечностью соприкоснуться.

На свет я появилась здесь,
Вдали от суеты столичной.
Мне выпала большая честь
В краю родиться необычном.

Природа здешних мест меня
Поэтом сделала до тризны.
Колымский край - судьба моя,
Я без него не мыслю жизни.

Живу в посёлке небольшом
С названием редким «Синегорье»,
С рожденья он мой отчий дом,
В нём для души моей раздолье.

И я совсем не рвусь в Москву,

И не стремлюсь в Париж красивый,
Ведь я в таком краю живу,
Где чувствую себя счастливой!

Старость

Какая старость меня ждёт
И сколько мне друзей оставит?
Какие радости подарит,
А что навечно заберёт?

Я знаю, буду вспоминать,
Как солнце ярко мне светило,
Как радостно на сердце было
И очень чутко ночью спать.

Наверно, каши буду есть,
Под фильмы слёзы лить украдкой,
Не будет мне казаться сладкой
Открытая людская лесть.

Взять немного научусь
Шарфы, носки и даже шапки.
У внуков проверять тетрадки
Я добросовестно примусь.

Замечу, что мои блины
Вдруг стали лучше получаться,
Мечты всё чаще не сбываются
И как мне хочется весны.

Но в старости есть плюс большой:
Чем дольше ты живёшь на свете –
Родителей имеют дети,
Их счастье в этом и покой.

Поэтому, морщины? Пусть!
Шарфы, носки и каши? Ладно!
Но дети будут жить отродно,
Не зная, что такое грусть

Не хочу я больше воевать

Не хочу я больше воевать
Ни с тобой, ни с кем-нибудь другим.
Я хочу сама собою стать,
Снять с лица потрескавшийся грим.

Эта роль, увы, не для меня,
Не люблю жестокость на показ,
Ведь внутри совсем другая я
И намного лучше, чем сейчас.

Дай возможность крылья распрямить,
Снять оковы с честности моей,
Жизнь начать за всё благодарить,
Выйти в свет из сумрачных теней.

Вытянуть осколки всех обид
Из души, из памяти навек.
Меч мой - нежность, а любовь - мой
щит.
Я - другой отныне человек.

Всего один день (короткий рассказ)

Была середина весны. С каждым днём становилось теплее, мир наполнялся яркими красками. Земля, вместе с человеческими сердцами, отогревалась после холодной зимы.

За тридцать три года я так и не смог полюбить зиму. Куда не посмотри, всё имеет какой-то удручающий серо-белый оттенок. Даже лица у людей соответствуют времени года: хмурые, безрадостные. Зимой мне чаще хочется оставаться дома с книжкой или чашкой горячего чая в руках. Одно уносит в загадочный мир приключений и романтики, а другое согревает руки и настраивает на размышления. Порой воспоминания из прошлого бывают настолько сильными, что кажется, я начинаю ощущать не только запахи маминых блинов, которые она жарила по субботам, но и их, ни с чем несравнимый вкус...

Воскресенье. Сегодня я плохо спал. Во сне я тонул в бескрайнем чёрном море, спасение в виде большого медленно плывущего вдали корабля было так близко, и в то же время, так далеко. Проснулся с плохим настроением и сильно быющим сердцем. Вместо завтрака — чашка горячего крепкого кофе без сахара.

Моя жизнь не всегда была гладкой и ровной, приходилось много работать. Было нелегко, но благодаря молодости и амбициям, светлой памяти о матери и большого желания жить, я не опустил на дно, не занялся чем-то противозаконным. Я боролся за достойное и счастливое существование. Со временем моя жизнь стала более стабильной, в ней появилась уверенность в завтрашнем дне.

Я раздвинул шторы, солнце осветило моё жилище, в котором из мебели было лишь самое необходимое. Благодаря своей матушке, я научился создавать уют из простых вещей, без шика, но со вкусом. Я никогда не желал больше, чем имею. Я скуп в своих желаниях.

Обстановка в квартирах моих двух друзей со школы выглядит гораздо изысканней и дороже. И мне кажется, что нам было одинаково уютно находиться друг у друга в гостях. Уровень жизни и достатка повлиял на то, что вначале я перестал получать от них приглашения зайти в гости, а со временем и они перестали бывать у меня, правдоподобно ссылаясь на занятость. Иногда мы сталкиваемся на улице, и... они проходят мимо, не здороваясь, словно не замечая. Если их окликнуть, растерянно извиняются: «Прости, не заметил, очень спешу. Ещё обязательно увидимся». И убегают прочь. Я их не осуждаю. Каждый человек строит свою жизнь так, как ему удобно. Так, как позволяет ему воспитание, совесть и моральные принципы.

Обрести новых друзей, которых я мог бы с лёгкостью впустить в свою жизнь, раскрыть душу, не получилось. Говорят, собаки — лучшие друзья человека, но завести собаку в моём случае было бы безответственно: я прихожу с работы не раньше восьми вечера. И мой единственный выходной — воскресенье. Это было бы не честно по отношению к живому существу, которое бы преданно ждало меня целыми днями, запертое в маленькой квартире.

Выйдя на улицу, я вдохнул полной грудью свежий воздух. Мне стало гораздо лучше. Во дворе на скамеечке сидели две старушки, одна из которых была моей соседкой.

сказала Ольга Андреевна.

— Здравствуйте, красавицы! — с улыбкой поздоровался я.

Пожилые женщины, разменявшие восьмой десяток, от души рассмеялись.

— Ольга Андреевна, меня не будет до вечера, но по пути я зайду в магазин, Вам что-нибудь нужно?

— ... Если только полбулки чёрного хлеба, Лёшенька, — немного подумав, ответила она.

— Совсем мало кушать стали, — с досадой произнёс я.

— В одиночестве и кушать не хочется, дорогая, — дрожащим голосом ответила моя соседка.

— Тогда я зайду к Вам вечером на чай, и Вы составите мне компанию, — уже с улыбкой добавил я.

Лёгкий ветер зашевелил обвязанный вокруг шеи длинный чёрно-белый шарф с кисточками. Эта вещь хранит дорогие и нестираемые для меня воспоминания о ласковой маме, которая связала его своими морщинистыми нежными руками. Он хранит в себе тепло её рук и большую материнскую любовь. В сильные морозы мне достаточно подумать о ней, как моё продрогшее тело перестаёт чувствовать холод, а сердце наполняется большой благодарностью к матери за всё, что она сделала для меня.

По пути к городскому парку я зашёл в магазин и купил свежее испечённый хлеб, молоко, творог и печенье, а для себя немного любимых с детства шоколадных конфет. Развернул одну и положил в рот. Сладкий вкус детства сопровождал меня, пока я медленно шёл к парку, где по выходным всегда было многолюдно. Сегодня, к счастью, там оказалось много детей разных возрастов, семейных пар и немало людей пожилого возраста. Слышался детский радостный смех, родители то и дело одёргивали своих любимых чад словами: «Будь аккуратнее, не убегай далеко и веди себя тише». Найдя свободную скамейку и, удобно устроившись на ней, стал с интересом наблюдать, как дети играют. Они звонко смеялись, от этого и мне становилось весело. Невольно вспомнил, как и я беззаботно бегал и смеялся, а моя мама лишь сдержанно улыбалась и с умилением смотрела на то, как её единственный сын наслаждается детством. Мы часто вместе с ней приходили в парк, когда у неё было свободное время. И я так же, как эти милые дети, веселился с друзьями, и так же, как они, не догадываясь о том, что готовит для меня будущее. Но тем и прекрасно детство, когда не задумываешься о чём-то важном, когда не замечаешь очень многих вещей, в отличие от взрослых.

Моего отца не стало, когда мне не исполнилось ещё и года. Маме приходилось много трудиться, чтобы у меня было всё самое необходимое, но всё равно, того, что она зарабатывала, не хватало для ощущения достатка. Несмотря ни на что, она старалась радовать меня, покупала подарки ко дню рождения, а в Новый год под ёлкой я всегда находил игрушку и пакетик конфет. Случались подарки и без повода, просто так. После работы она не редко заходила в магазин и покупала что-нибудь вкусное к вечернему чаю. Она, как могла,

разукрашивала моё детство в яркие краски. А когда чувствовала свою беспомощность и невозможность изменить положение вещей, она крепко прижимала меня к себе и тихо плакала. А я, растерянный и не понимающий причину её слёз, крепко прижатый к груди руками матери, молчал и слушал, как взволнованно бьётся её сердце.

Благодаря её любви и стараниям у меня был шанс насладиться детством. Когда мама слегла, я взял на себя заботу о нашей маленькой семье. Поэтому после окончания школы у меня не было возможности пойти учиться в институт. Я целыми днями подрабатывал грузчиком, дворником, даже пробовал себя в роли официанта. Оказывается, еда, коммунальные услуги, лекарства, одежда стоят почти целое состояние.

С тех пор прошло пятнадцать лет. И, несмотря на трудности, на все потери, я верю в светлое будущее. Ведь человек жив, пока в нём живёт надежда.

Количество конфет в пакете незаметно таяло. Ко мне неожиданно подбежали несколько бедно одетых ребятшек. Неловко переминаясь с ноги на ногу они молча глядели на оставшиеся конфеты. Я предположил:

— Угощайтесь.

Самый старший из всех взял несколько конфет.

— Берите всё, — с улыбкой, сказал я ребятам.

— Спасибо! — почти хором ответили они и убежали.

Я видел, как быстро пакет опустел, а обёртки одна за другой отправлялись в ближайшее мусорное ведро. Дети смеялись. Им было хорошо. И я в очередной раз убедился в том, чтобы ощутить себя счастливым человеком не обязательно иметь красивый дом, дорогую мебель, машину, престижную работу и огромное количество друзей, достаточно сделать счастливым кого-то, ведь источник счастья — это любовь, которую необходимо дарить миру. А суть счастья заключается в способности человека радоваться жизни вопреки самым, казалось бы, трудным обстоятельствам.

В моей голове одно за другим всплывали приятные воспоминания из прошлого: детство, мама, школьные годы и первая любовь, так и не переросшая во что-то большее, а жаль... Сегодня я бы пришёл в парк не один. Со мной сейчас сидела бы рядом жена и читала книгу, а я бы мерно покачивал в коляске нашего ангела, белокурую девочку точь-в-точь похожую на маму.

Стало заметно вечереть. Люди медленно расходились. Парк становился пустым. Пора было возвращаться домой.

Я, согретый лучами солнца, облаканный тёплым ветром, с улыбкой шёл в сторону своего дома, и слушал, как природа исполняет для меня божественно красивую мелодию. Шелест листьев, словно шёпот небес, поздравляли меня с очередным, забытым людьми, но не забытым природой днём рождения.

Юлия Кульчицкая

Кульчицкая Юлия Михайловна родилась в Липецкой обл., Лебедянского района, в селе Троекурово. В 1981 году приехала жить и работать в Магаданскую область в п.Синегорье. На севере провела более тридцати лет, все годы проработала на одном предприятии «Колымаэнерго». Имеет троих сыновей. На Колыме начала писать стихи, играть на гитаре, сочинять песни, исполнять романсы, выпускать собственные сборники стихотворений.

Юлия, человек с активной жизненной позицией, любит справедливость, честность, искренность. По натуре целеустремлённая, волевая, открытая, яркая женщина.

Книги автора: «Моя душа» (2013) — стихи; «Я всё ещё чего-то жду» (2014) — стихи; «Горько-сладкое счастье» (2015) — стихи и повесть; «Итоги наивной надежды» (2016) — стихи; «И мысли превращаются в стихи» (2017) — стихи; «Я люблю тебя...» (2017) — стихи о любви; «Бабушкины потешки» (2017) — детская книга; «Аз-бу-гада-ка» (2017) — детская книга; «Любви прекрасные мгновенья» (2018) — стихи и рассказы.

«Хитрая галка»

В семье, где проживало трое человек: папа и две дочки - Юлия и Вика.

Вы думаете, а куда же делась мама? Мама семь лет назад, когда ещё девочки были совсем небольшие (одной было семь лет, а другой пять) ушла в мир иной. Разве она думала, что съев кусочек рыбы из тетрапакета, заразится ботулизмом и её не станет на Земле. Конечно, не думала, что в тридцать шесть лет может так трагически оборваться её жизнь.

Ну вот, кроме троих проживающих в доме людей было ещё два кота. Одного звали Жулик, другого Васька. Почему чёрного кота называли Жуликом - не понятно. Он никогда ничего не крал, чаще он находился на улице и в сарае ловил мышей. А вот другого котяру (толстого, наглого, рыжего) действительно нужно было назвать Жуликом, так как он любил что-нибудь вкусненькое спереть со стола. Этот лежебока обожал сладко поест и целый день дрыхнуть на мягкой подушке. О мышах и речи не могло быть. Если бы даже они бегали по его спине, он не обратил бы на них никакого внимания.

Как-то папа девочек захотел по-быстрому приготовить яичницу с сосисками. Положив на стол четыре сосиски, он зачем-то отлучился на веранду. Васька, тут же залез на стол, стянул сосиски и пулей помчался в детскую, где Вика делала уроки. С трофеем в зубах он кое-как запихнул своё жирное тело под диван и начал расправляться с украденным. Когда папа вернулся в кухню и протянул за сосисками руку, то их не оказалось на столе.

Он обратился к Виктории:

— Вика, не знаешь, куда делись сосиски?

Вика оторвала взгляд от учебника и сразу сообразив в чём дело, ответила отцу:

— Папуль, извини, мне так захотелось кушать, что я мигом проглотила все сосиски.

— Сколько можно говорить, чтобы не кусочничали. Поджарил бы их с яйцами и

дочку.

— Папуль, прости... прости... прости! Больше это не повторится, — без вины виноватая ответила дочка.

Сама же заглянула под диван, и, погрозив коту пальцем, сказала:

— Ну, жиртрес, из-за тебя я учусь врат. Имей в виду, это в последний раз. После следующей твоей проделки сама отхожу тебя мокрой тряпкой!

Кот, доедая последнюю сосиску, даже не взглянул на неё. Вика любила Ваську, не смотря на его авантюры. Ночью он всегда ложился к ней в кровать и мурлыкал. От этого завораживающего мурлыканья она быстро засыпала. С Васькой было тепло и уютно. Юлю кот не очень жаловал, потому что иногда за проделки она привлекала его мокрой тряпкой.

Папа достал ещё сосисок, приготовил яичницу и сказал:

— Ты уже сытая, позови Юлю, мы с ней покушаем.

У Вики заурчало в животе, она тоже хотела есть, но из-за этого рыжего бедокура пришлось остаться голодной.

Виктория ещё раз нагнулась над диваном и прошипела: — Ну, погоди, рыжий козёл! Я тебе это припомню!

Кот сверкнул зелёным глазом и даже не шевельнулся, будто его это не касалось. Вика сбегала на улицу, позвала Юлю кушать и опять села за уроки. Часа два кот просидел в своём убежище. Потом на полусогнутых выполз оттуда и с опаской выглянул из-за двери на хозяйина.

Папа, конечно, сообразил, кто был вором сосисок и позвал Вику:

— Дочка, иди, поешь, а то из-за этого стервеца желудок себе испортишь.

Радостная Вика побежала в кухню и сказала:

— Прости, пап! Мне так не хотелось, чтобы ты его побил. Жалко Ваську.

Папа улыбнулся и промолвил:

— Жалостливая ты у меня, а этот него-дай пользуется твоей добротой!

Кот вышел на веранду открыл лапой дверь и, зажмурившись от яркого солнечного света, во всю длину растянулся на крыльце. Часа два нежился под жаркими лучами. Вика видела в окошко, как он подошёл к забору и попытался взгромоздиться на него своё тучное тело. С третьей попытки манёвр удался. Забор был узкий. Васька примостился на нём, и стал наблюдать за окружающим миром. Увидев Жулика, выходящего из сарая с мышью в зубах, брезгливо отвернулся. Крупная зелёная муха стала назойливо крутиться возле его носа, не давая покоя. Васька хотел закогтить её лапой, и чуть не упал с забора. Отвернувшись, он быстро потерял к ней интерес. Когда Вика снова погрузилась в чтение учебника, папа закричал ей из кухни:

— Вика, быстрее иди сюда! Посмотри на бесплатный цирк.

На папин крик Виктория прибежала в кухню, посмотрела на улицу и увидела такую картину: на заборе сидел их рыжий пройдоха, а позади него стояла галка и тянула его за хвост. Пока котяра переворачивался к ней мордой, галка перелетала через него и опять начинала тянуть его за хвост. И так раз пять или шесть. Это была такая умора, что Вика с папой чуть животы не надорвали от смеха. Виктория смеялась, и сквозь смех было слышно, как она говорила:

— Так тебе и надо, жиртрес! Так тебе и надо!

Когда они смогли унять смех, папа сказал:

— Ну и умная галка! Решила подразнить кота. Вот это хитрюга, так хитрюга! Просто умора!

И действительно, какая умная и хитрая птица! Надо же было такое придумать!

«Эта история стара, как мир»

«Я люблю тебя!» — Он так нежно произнёс эти сверхважные слова, что у Неё перехватило дыхание. Ей впервые в жизни признались в любви. Гулко колотилось сердце, в два раза быстрее частил пульс. Он поцеловал Её в мочку уха и Она, почувствовав не испытанное ранее волнение, не могла понять, что с ней происходит. Он жадно целовал Её губы. Она отвечала на Его жаркие поцелуи и в голове набатом звучало: «Я люблю тебя! Люблю! Люблю!». Им было всего по пятнадцать лет.

Минуло три десятилетия, а она до сих пор не может забыть того поцелуя и то сладостное волнение. Она больше никогда не ощущала такого трепета, даже будучи женщиной, испытавшей многое в жизни. Тот, которому она отдала своё сердце, наверняка давно забыл и имя Её. А вот Она за все эти десятилетия ничего не забыла. Верно говорят, что первая Любовь самое сильное, незабываемое чувство. Только жаль, что далеко немногие могут сберечь её до конца своих дней. А те, которые всё-таки несут её в своём сердце, оберегая, как драгоценный сосуд, обычно делают это в одиночестве, неимоверно страдая от разлуки с любимым.

Она сидела перед экраном телевизора, но ничего не видела и не слышала. Она думала, думала и думала. О чём? Да, как и всегда — о Нём. «Вот бы ещё хоть разочек увидеть Его и вновь ощутить тот волшебный поцелуй и незабываемый трепет.

Он так же по прошествии этих десятилетий думал, что Она, наверное, забыла и имя Его. А вот Он всё помнит, до мелочей. Помнит, как целовал Её сладкие пухлые губы. Помнит, как Она отвечала на Его поцелуи. Помнит, как по все-му телу пробегала дрожь, но Им было всего лишь по пятнадцать лет и нельзя было переступить запретную черту. По-чему Он не забывает этого?! Почему?! Да потому что подобное никогда больше не повторилось у Него, испытавшего немало на своём жизненном Пути. Где Та, любимая, которую Он потерял в этом самом Пути?! Где же Она?! Он многое бы отдал за то, чтобы вновь обрести Её.

Она прогуливалась после трудового дня по аллее парка. Домой идти не хотелось, Её там никто не ждал. Дети уже

выросли, у них свои семьи, свои заботы. Они так редко навещают Её. Видимо, не так сильно в Ней нуждаются. Но вот от материальной помощи никогда не отказываются. «Я, наверное, не так их воспитала, как нужно. Значит, это моя ошибка, что я осталась одинокая, — подумала Она. «Вот и получай фашист гранату. Может быть, завести кошку или собаку?» — промелькнуло в голове. Они-то всегда будут рады Ей и будут нуждаться в Ней. Да, нет, жалко их. Будут целыми днями сидеть в одиночестве, ожидая Её, так как домой Она приходит только принять душ, да лечь спать. До позднего вечера пропадает на работе. Это потому что не тянет в жильё.

Она шла по опавшим листьям. Осень вступила в свои права и в душе у Неё тоже опадали листья, болезненно обнажая незащищённые участки.

Подойдя к свободной скамейке, Она присела на неё. Так захотелось просто посидеть, ни о чём не думая, полюбоваться осенним пейзажем.

— Разрешите присесть? — услышала Она мужской голос.

— Конечно, присядьте, — ответила, не глядя на говорящего.

— Вам что плохо?

— Да, мне не очень хорошо, — тихо промолвила Она.

— Я могу Вам чем-то помочь?

— Думаю, что нет, не можете. Мне смог бы помочь только один человек, но Его нет рядом со мной.

В голосе этой женщины Он услышал до боли знакомые нотки. «Этого не может быть» — подумал Он.

И тут Он увидел у Неё в ушах знакомые серьги. Эти серьги были сделаны на заказ для той, из юности. Он когда-то подарил их Ей на день рождения. Эти два кольца были начальной буквой Её имени, а внутри их пустоты были впадины начальные буквы Его имени. Он тронул Её за плечо и произнёс:

— Это Ты? Не верю своим глазам!

Она вгляделась в Его уже взрослое лицо, и вдруг, из Её огромных синих глаз выкатилось две слезинки.

— Нет, так не бывает, неужели это

Ты? — прошептала Она.

Они вошли в кафе, заказали кофе и пирожные, и сидя визави не сводили друг с друга зачарованных глаз. Им не верилось, что произошло то, о чём каждый из них мечтал все эти долгие годы.

— Как ты жила, любовь моя? — поинтересовался Он.

— Это нельзя назвать жизнью, так как рядом не было Тебя, но Ты всегда был в моём сердце, любимый.

— Прости меня, но я думал, что Ты забыла и имя моё.

Она улыбнулась и произнесла:

— Я не смогла бы забыть Твоё имя, так как мой сын назван этим именем.

Его глаза повлажнели и с дрожью в голосе Он тихо проговорил:

— И моя дочь носит Твоё имя. Как только я к ней обращался, тут же вспоминал Тебя. Как жаль эти потерянные десятилетия, которые прожиты в разлуке!

— Я думаю, ещё можно что-то исправить, — отозвалась Она. — Ты согласен со мной, радость моя?

— Тысячу раз — да! — отозвалось эхом. — Все эти годы я мечтал о встрече с Тобой и безмерно страдал от разлуки.

Они вышли из кафе и уверенно зашагали навстречу своему счастью. Под ногами шуршали опавшие листья, но осень Их не пугала, напротив, она радовала Их, так как подарила Им долгожданную встречу. Они на мгновение остановились, и Он поцеловал Её в мочку уха. Затем, нащупав губами Её сочный рот, ода-рил его жадным поцелуем. И как тогда, в той незабываемой юности, Она вновь ощутила то сладостное волнение, о котором помнила долгие-долгие годы.

Эта история стара, как мир, так как зачастую Судьба потешается над двумя безумно любящими друг друга людьми. Разлучая, она упивается их страданиями, но Судьбе никогда не удастся заставить разлюбить их друг друга — это не в её власти. И это истинная правда.

Валентина Кузьменко

Родилась в городе Оренбург. В 1980 году приехала на Колыму. Здесь живёт уже 38 лет. У неё двое сыновей. Писать стихи начала с 1992 года. в 2017 году в г.Магадане вышел первый сборник стихов «Бежит девчонка по росе».

Стихи печатались в следующих сборниках: «Содружество», «Светотени», «Живёт в душе любовь», (г. Санкт-Петербург. 2005), несколько стихов были опубликованы в антологии колымской поэзия XX-XXI веков «Северная строка» (г. Магадан, 2014), так же неоднократно публиковались в газете «Северная правда».

«Бежит девчонка по росе»

В туго перетянутой косе
Ленточка сиреневого цвета,
Ты бежишь по утренней росе
Под лучами солнечного света.

Здесь не властно время над тобой,
Руки распахнув навстречу
счастью
Ты своей невинной простотой,
Будто вызов бросила ненастью.

Воплощение Веры и Любви
Оставляешь место ты надежде,
Девочка из утренней зари
В сотканной из солнышка одежде.

И встаёт весь Мир в своей красе
В тех глазах с голубизной
бездонной,

Где бежит девчонка по росе
На губах с улыбкою задорной.

Хорошо, что я не проспала
И увидела земное чудо,
Как сверкала радугой роса
Под ногами девочки повсюду.

Долго я ещё смотрела вслед
Той девчужке с ленточкой в
косичке.
Над землёю огненный рассвет
Вспыхивал, как будто бы от
спички..

«Край мой северный»

Край мой северный, край
дорогой,
Ты частица огромной России!
Я душою и сердцем с тобой
И расстаться с тобой мы не в
силах.

Наша молодость вместе прошла,
Мы с тобою выросли, мужали.
Здесь любовь за собой позвала
И отсюда друзей провожали.

Колыма, Колыма, Колыма!
Посмотрите, вокруг сопки синие
И сияют огнями дома,
И плывут облака лебединые.

Колыма, Колыма, Колыма!
Край берёзок и лиственниц

стройных,
Ты всегда выбираешь сама
Самых смелых и самых
достойных.

Край суровый, как строгий отец,
Край приветливый, добрый, как
мама.
Покоривший так много сердец,
Остаёшься любимым ты самым.

И сейчас я пою для тебя
Эту песню любви своей нежной.
Ты родней всех теперь у меня,
Не расстанусь с тобой, край мой
снежный.

«Два одиночества»

Как-то встретились два
одиночества,
Растерялись, как дальше им
быть.

Нет гадалок, не знают
пророчества
Разойтись или друг друга
любить?

А быть может, они испугались,
Ведь не раз обжигались в Пути.
Не тот возраст в любви, чтобы
клялись,
Нужно им компромисс свой
найти.

Может быть, неспроста эта
встреча,
От судьбы новогодний сюрприз.
Пусть не гладко прошёл первый
вечер,
До конца не раскрыт ещё приз.

А быть может, на радость и
счастье
Их дороги сегодня сошлись,
Чтобы вместе делить все
ненастья
Друг для друга их души
нашлись.

И по жизни идти будут рядом,
И не долгой для них будет ночь,
Словом добрым поддержат и
взглядом,
И исчезнут сомнения прочь.

Ведь для счастья не так много
нужно,
Лишь душа бы тянулась к душе,
Чтобы с радостью жили и
дружно
Шли по жизненной вместе тропе.

«Мой синий край»

Мой синий край - посёлок
Синегорье,
И синяя тайга вокруг, как море,
И неба синего прозрачное сиянье,
И звёзд далёких нежное
мерцанье.

А Колыма, красуясь лентой

синей,
Зимой нам посылает синий иней.
В воде, в прозрачно-синей
глубине,
Легко увидеть хариус на дне.

Люблю тебя весной с каплейю
И с яркою осенней канителью.
И в зной люблю и с летнею
грозой
И зимней сказочной порой.

Люблю тебя край синеголубой,
Немало лет прожили мы с тобой.
Уедем пусть в другие города,
Но в сердце нашем будешь ты
всегда!
Мой синий край, родное
Синегорье!.

«Я о стихе пишу стихотворенье»

Я о стихе пишу стихотворенье.
Не блажь всё это, вовсе, и не
бред.
Здесь крик души, крик Божьего
Творенья
И объяснения другого нет.

Когда душа, устав во мне
томиться,
Метаться начинает и рыдать –
От боли нужно ей освободиться,
Мы начинаем с ней стихи писать.

Душа диктует мне, а ручка
пишет,

Что набралось уже за много лет.
Душа давно всё видит и всё
слышит,
Пытается, как может, дать ответ.

И вот уже бежит за строчкой
строчка,
В них боль изведанных в Пути
потерь.
Не будет в нашей памяти
отсечки,
Всё изложить должны мы здесь,
теперь.

С душой мы вместе побываем в
детстве,
Услышим голос бабушки
родной,
За ручку рядом с мамой
погуляем,
Когда дадут с работы выходной.

Напишем мы о юности
беспечной
И как прекрасна первая любовь,
И как она бывает бессердечна,
И что уже не повторится вновь.

О том, что в жизни всё
невозвратно,
В ней радость встреч и боль
разлук.
И знаем всё уже непоправимо,
И не поймёшь теперь, кто враг,
кто друг.

Я о стихе пишу стихотворенье,
Видна в нём радость, боль и
жизнь моя.
Здесь крик души, крик Божьего
Творенья,
Частица малая, которого есть я...

«Пой мне, скрипка...»

Пой мне скрипка, дорогая,
Пусть очистится душа.
Мне сейчас, моя родная,
Музыка твоя нужна.

С глаз пусть слёзы льются
градом,
Замирает сердца стук.
Я, родная, очень рада
Слушать твой печальный звук.

Пой мне скрипка, пой родная,
Дождь стучит в моё окно.
Плачет тоже, вниз стекая,
Пой нам скрипка всё равно.

Гром небесный пусть грохочет,
Ветер яро листья рвёт.
Видно, подыграть он хочет,
Скрипка вместе с ним поёт.

Улетят тоска с печалью,
Ветер горе унесёт.
Я стою, укрывшись шалью,
Скрипка песню мне поёт..